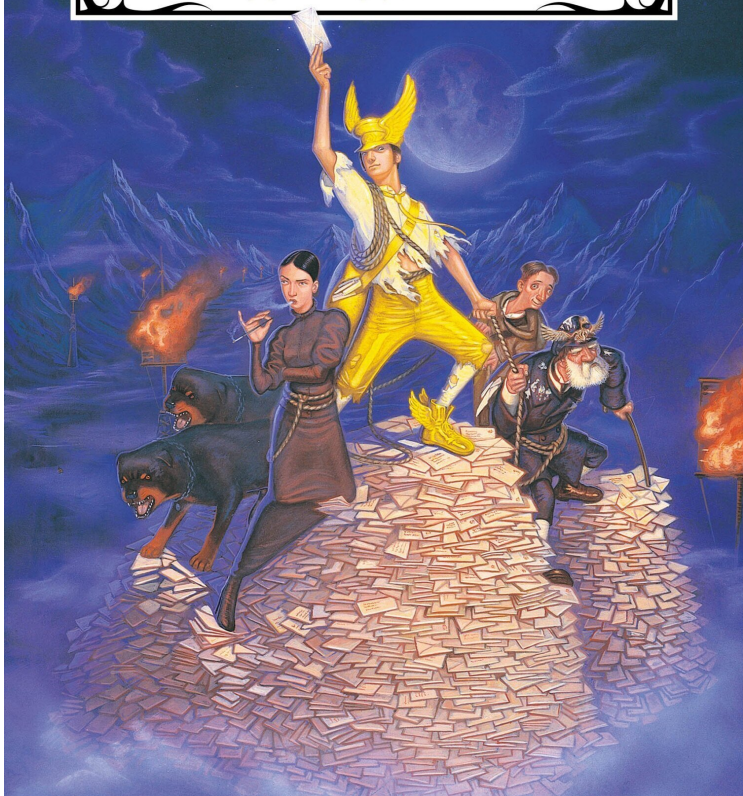

ТЕРРИ ПРАТЧЕТ

ДЕРЖИ МАРКУ!
ДЕЛАЙ ДЕНЬГИ!

Терри Пратчетт
Держи марку! Делай
деньги! (сборник)
Серия «Терри Пратчетт. Коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48475104

Держи марку! Делай деньги!: 1;

ISBN 978-5-04-104901-0

Аннотация

Приличный мошенник Мокриц фон Липвиг находит выход из любой ситуации, из любого города – даже такого, как Анк-Морпорк. После воровства, мошенничества и... смерти через повешение он займет должность Главного Почтмейстера. Но разве на эту работу он рассчитывал?

Что, если заняться реформированием банковской системы по предложению патриция Витинари? Выбрать путь благочестивого горожанина, а заодно стать хозяином песика Шалопая, владеющего мажоритарным пакетом акций «Королевского банка»?

Два романа из цикла «Плоский мир» в неповторимом стиле сэра Терри Пратчетта.

Содержание

Держи марку!	5
9000 лет назад	5
Месяц назад	7
Глава первая	9
Глава вторая	39
Глава третья	75
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Терри Пратчетт

Держи марку!

Делай деньги!

© Шульга Е., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Держи марку!

9000 лет назад

Флотилии мертвецов дрейфуют в подводных реках.

Мало кому известно о них. Хотя в теории все очень просто.

То есть море, если так подумать, – всего лишь очень влажный воздух. А воздух, как известно, чем ниже спускаешься – тем плотнее, и чем выше взлетаешь – тем реже. И когда подхваченный бурей корабль разбивается и идет ко дну, рано или поздно он достигает той глубины, где вода становится достаточно вязкой, чтобы остановить падение.

В общем, он прекращает тонуть и плывет по подводной глади, глубоко под бушующими штормами и высоко над океанским дном.

Там царит спокойствие. Мертвенное спокойствие.

На некоторых затонувших кораблях еще есть такелаж. На некоторых даже паруса. На многих остались моряки, запутавшиеся в такелаже или привязанные к штурвалу.

Но плавание продолжается – без цели, без места назначения, – потому что подводные океанские течения носят мертвые корабли со скелетами моряков по свету. Они дрейфуют над затонувшими городами, между ушедшими под воду го-

рами, пока гниение и древоточцы не изъедят их до основания и они не прекратят существовать.

Иногда во тьму и ледяную безмятежность глубоководной равнины падает якорь и нарушает вековую неподвижность, вздымая облако ила.

Один такой якорь чуть не задел Ангхаммарада, который сидел и смотрел на корабли, проплывавшие высоко над его головой.

Он запомнил, потому что это было единственным интересным происшествием за последние девять тысяч лет.

Месяц назад

Эта... зараза, косящая семафорщиков.

Она была сродни тропической лихорадке, которой моряки заболевали после долгих недель штиля под палящим солнцем – когда им начинало мерещиться, что их корабль окружен зелеными полями и они шагали за борт.

Семафорщикам иногда начинало казаться, что они умеют летать.

От одной клик-башни до другой было около восьми миль, и стоя на самом верху, вы находились в полутора футах от земли. Говорили, что, если пробыть там слишком долго без головного убора, ваша башня станет выше, а соседняя – ближе, и человеку начинало казаться, что он мог бы даже допрыгнуть туда или прокатиться на невидимых посланиях, скользящих между башнями, – а может, у него возникала мысль, что *он и есть* послание. А некоторые считали, что это было обычное повреждение мозга, вызванное шумом ветра в арматуре. Точно никто не знал. Люди, которые шагают в воздух на высоте ста пятидесяти футов от земли, нечасто имеют возможность обсудить это впоследствии.

Клик-башня слегка покачивалась на ветру, но это было нормально. В *этой* башне было много разных новых штук. Она использовала ветер для работы своих механизмов, она гнулась, но не ломалась, и была скорее похожа на дерево,

нежели на крепость. Ее можно было всю собрать на земле и потом возвести на нужном месте в течение часа. Она была образцом изящества и красоты. И могла отправлять клики до четырех раз быстрее, чем старые башни, благодаря новой системе заслонок и цветных огней.

По крайней мере, сможет, когда удастся решить небольшие технические вопросы...

Молодой человек проворно взбирался на самый верх башни. Из липкого серого марева он вылез на ослепительный солнечный свет, а утренний туман у него под ногами простирался до самого горизонта, как море.

Пейзаж мало интересовал юношу. Он никогда не мечтал о полетах. Он мечтал о механизмах и изобретениях, которые будут работать лучше, чем все, что существовало до них.

А сейчас он хотел разобраться, из-за чего новые заслонки *опять* заело. Он смазал задвижки, проверил натяжение проводов, а потом высунулся еще дальше, навстречу холодному воздуху, чтобы проверить сами заслонки. Делать так было нельзя, но любой семафорщик знает, что это единственный способ починить неисправность. Да и потом, это совершенно безопасно, если...

Что-то звякнуло. Он обернулся и увидел, что карабин его страховочного троса лежит на полу, увидел тень, ощутил пронзительную боль в пальцах, услышал крик и упал...

...якорем вниз.

Глава первая

Ангел

В которой герой получает величайший дар: Надежду – Сочувственный сэндвич с беконом – Неутешительные размышления палача о тяжких наказаниях – Славные последние слова – Наши герой умирает – Ангелы и рассуждения об оных – Избегайте неуместных предложений, в которых фигурируют метлы – Неожиданная поездка – Мир без честных людей – Прыг-скок – Выбор есть всегда

Бытует мнение, что перспектива быть наутро повешенным необычайно помогает человеку собраться с мыслями. К сожалению, собравшись, они неизбежно сосредотачиваются на том, что голова, в которой они собрались, наутро окажется в петле.

Человека, который должен был оказаться в петле, при рождении недальновидные, но любящие родители нарекли Мокрицем фон Липвигом, и он не собирался очернять это имя (хотя, казалось бы, куда уж дальше), будучи под ним повешенным. В миру вообще и в приказе о смертном приговоре в частности он значился Альбертом Стеклярсом.

К ситуации он подошел с самой оптимистической стороны и, собравшись с мыслями, думал о том, как бы в петле оказаться и, в частности, как бы при помощи ложки соскрести крошащийся цемент вокруг камня в стене его камеры.

Он корпел над этим уже пять недель, и ложка теперь больше походила на пилку для ногтей. На его счастье, тюремщики ни разу не меняли ему постель – иначе они обнаружили бы в камере самый тяжелый на свете матрац.

Все внимание Мокрица было сосредоточено на увесистом булыжнике и на пригвожденной к нему железной скобе – для крепления кандалов, в частности.

Мокриц уселся лицом к стене, уперся в нее ногами, обеими руками ухватился за железное кольцо и потянул.

Его плечи вспыхнули огнем, перед глазами поплыл алый туман, но камень сдвинулся и пополз, почему-то слабо позвякивая. Мокрицу удалось высвободить камень из стены, и он заглянул в дыру.

На том конце крепко сидел еще один камень, и цемент вокруг него выглядел подозрительно прочным и свежим.

Прямо у стенки лежала новая ложка. Лежала и сверкала.

Мокриц так и стоял, уставившись на нее, пока не услышал из-за спины хлопки. Он обернулся, и его натянутые жилы так и взвыли от боли. Через решетку камеры за ним наблюдали тюремщики.

– Отличная работа, господин Стеклярс! – воскликнул один из них. – Рон теперь должен мне пять долларов! А я говорил ему, что ты упрямый! Говорил я?

– Твоих рук дело, Вилкинсон? – обессиленно спросил Мокриц, глядя на отражение света в ложке.

– О нет, куда мне. Приказ лорда Витинари. Он считает,

что всем смертникам нужно предоставлять перспективу свободы.

– Свободы? Да тут же камень опять, черт подери!

– Да, все так, тут ты прав, все так, – согласился тюремщик. – Так ведь речь-то только *опроспективе*, вот оно что. А не о настоящей свободе, когда ты *на свободе*. Хе-хе, это было бы глупо с нашей стороны, да?

– Ну, видимо, да, – сказал Мокриц. И не добавил: «Скотины вы этакие». Минувшие полтора месяца тюремщики обращались с ним очень даже по-божески, и вообще он всегда предпочитал находить с людьми общий язык. Это ему очень, очень хорошо удавалось. Навыки общения были важной частью его арсенала – практически составляли этот арсенал целиком.

К тому же у тюремщиков были большие дубинки. Поэтому Мокриц осторожно добавил:

– Кто-то мог бы сказать, что это жестоко, Вилкинсон.

– Да, мы тоже так подумали, но Витинари сказал, что нет, мы не правы. Он сказал, это... – он наморщил лоб, – труда-ти-рапия, физзарядка, и вообще, не дает затосковать и дарует величайшее из всех сокровищ, каковое есть Надежда.

– Надежда, – проворчал Мокриц.

– Ты не расстроился, а, господин Стеклярс?

– Расстроился? Я? С чего бы, Вилкинсон?

– Да вот, твой предшественник ухитрился вылезти в эту трубу. Такой маленький был. И юркий.

Мокриц глянул на небольшую решетку в полу. Этот вариант он отбросил сразу.

– Труба хоть ведет к реке? – спросил он.

Тюремщик ухмыльнулся.

– Все так думают. *Как* он был *огорчен*, когда мы его выловили. Приятно видеть, что ты уловил суть, господин Стекларс. Нам всем с тебя только пример можно брать. Как ты все это провернул! Песок в матрац? Как умно, как аккуратно. Как *опрятно*. Нам было в радость наблюдать за тобой. Кстати, жена моя сердечно благодарит за корзину с фруктами. Такая солидная корзина. Даже кумкваты есть!

– Не за что, Вилкинсон.

– Смотритель, правда, чуток обиделся из-за кумкватов, у него-то были одни финики, а я так и сказал ему, что фруктовая корзина – она как жизнь: никогда не знаешь, что попадется. Он тоже передает спасибо.

– Рад, что ему понравилось, Вилкинсон, – ответил Мокриц рассеянно. Несколько его бывших квартирных хозяек приносили гостинцы «бедному, сбившемуся с пути мальчику», а Мокриц всегда делал ставку на щедрость. В конце концов, в его профессии все держалось на стиле.

– И вот еще что, – сказал Вилкинсон. – Мы тут с ребятами подумали, вдруг ты все-таки решился облегчить душу на предмет адреса того самого места, где расположено местонахождение, где, чтобы не ходить вокруг да около, ты спрятал деньги?..

В тюрьме стало тихо. Даже тараканы прислушались.

– Нет, на это я пойти не могу, Вилкинсон, – громко ответил Мокриц, театрально выдержав паузу. Он похлопал себя по карману сюртука, поднял вверх палец и подмигнул.

Тюремщики усмехнулись в ответ.

– Прекрасно тебя понимаем. А сейчас я бы на твоём месте отдохнул, потому что тебя повесят через полчаса, – сказал Вилкинсон.

– Эй, а завтрак мне не положен?

– Завтрак только после семи, – отозвался тюремщик с сожалением. – Но знаешь, я сделаю тебе сэндвич с беконом. Только ради тебя, господин Стеклярс.

До рассвета оставались считанные минуты, когда его провели по небольшому коридору в каморку под эшафотом. Мокриц заметил, что наблюдает за собой как бы со стороны, словно он уже частично покинул свое тело и парил, как воздушный шарик, который только и ждет, чтобы оторваться от нитки.

В каморку через щели помоста у него над головой и вокруг дверцы люка, ведущего на эшафот, просачивался свет. Человек в капюшоне усердно смазывал петли означенного люка.

Когда в каморку вошли, он прервался.

– Доброе утро, господин Стеклярс! – он учтиво снял капюшон. – Это я, господин, Даниэль «И-Раз» Трупер. Я твой палач на сегодня. Не волнуйся, я вздернул уже не один деся-

ток человек. Мы быстро со всем разберемся.

– Скажи мне, Даниэль, правда ли, что, если человека не повесят с трех попыток, ему дается помилование? – поинтересовался Мокриц, пока палач тщательно вытирал руки тряпкой.

– Слышал я о таком, слышал... Но меня, знаешь, тоже не просто так прозвали «И-Раз». Желает ли господин черный мешок на голову?

– А это поможет?

– Кто-то считает, что так будет выглядеть презентабельнее. И потом, не видно, как глаза выкатываются из орбит. Короче, это скорее для публики. Сегодня, кстати, весьма многочисленной. Неплохую про тебя тиснули статейку в «Правде». Писали, какой ты хороший человек, и все такое. Кхм... не изволишь подписать веревку перед повешением? В том смысле, что *после* уже вряд ли получится.

– *Подписать веревку?* – удивился Мокриц.

– Ага, – отвечал палач. – Это как бы традиция. Люди покупают использованные веревки. Коллекционеры узкого профиля, так сказать. Странновато, конечно, но чего только не бывает, да? А с автографом, понятное дело, стоит дороже, – он расчеркнул пальцем в воздухе по всей длине веревки. – У меня и специальное перо есть, которое пишет на веревке. По автографу на каждые пару дюймов, ладно? Только подпись. Никаких эпиграмм. А мне денежка. Буду премного благодарен.

– Может, в знак благодарности не будешь меня вешать? – спросил Мокриц и взял у него перо.

Все откликнулись на это одобрительным смешком. Трупер наблюдал, как Мокриц выводит автографы на веревке, и радостно кивал.

– Замечательно, это фактически мой пенсионный фонд у тебя в руках. Итак... все готовы?

– Я не готов! – быстро ответил Мокриц, к всеобщей радости.

– Ты такой забавный, господин Стеклярс, – сказал Вилкинсон. – Без тебя тут будет совсем не так, честное слово.

– Для меня-то уж точно, – заметил Мокриц, что снова было расценено как тонкая острота. Он вздохнул. – Скажи, Трупер, ты и впрямь считаешь, что такие меры предотвращают преступления?

– Ну, в общем и целом, я бы сказал, сложно судить однозначно, ведь непросто обнаружить доказательства еще не совершенного преступления, – ответил Трупер, в последний раз дернув дверцу люка. – *Нов частном и конкретном*, я бы сказал, чрезвычайно действенно.

– И что это значит?

– Да то, господин, что я еще никогда не видал, чтобы сюда возвращались дважды. Приступим?

Они поднялись наверх, под прохладное утреннее небо, и толпа зашевелилась: раздалися улюлюканья и даже редкие аплодисменты. Люди странные существа. Укради мешок ка-

пусты – и тебя посадят в тюрьму. Укради тысячи долларов – и тебя посадят на трон или провозгласят героем.

Мокриц смотрел прямо перед собой, пока со свитка зачитывали список его преступлений. Он не мог отделаться от мысли, как все это *былонечестно*. Он в жизни руки ни на кого не поднял. Он даже дверей никогда не ломал. Ему *случалось* отпирать их отмычкой – но он всегда закрывал за собой. Не считая всех этих банкротств, конфискаций и непредвиденных разорений, что он сделал настолько *дурного*? Он просто манипулировал цифрами, и только-то.

– Какая толпа собралась. – Трупер перекинул веревку через перекладину и завоzilся с узлами. – Сколько журналистов. «Новости с эшафота», конечно, куда без них, «Правда», «Псевдополис Геральд» – это, наверное, из-за банка, который там у них прогорел, а еще вроде приехал журналист из «Биржевика равнины Сто». У них очень хороша финансовая рубрика – я там слежу за ценами на веревки б/у. Видать, многие хотят посмотреть на твою смерть.

Мокриц заметил, как к хвосту толпы подкатила карета. Непосвященному могло показаться, что на ее дверцах не было герба, – тут нужно было знать, что герб лорда Витинари представлял собой изображение черного щита. На черном фоне. Приходилось признать: у негодя был стиль...

– А? Что? – спросил Мокриц, почувствовав легкий толчок локтем.

– Я спросил, не желаешь ли ты произнести последнее сло-

во, – повторил палач. – Так заведено. Есть у тебя что на уме?

– Я вообще-то не собирался умирать, – сказал Мокриц. И это была правда. Действительно, не собирался. Даже сейчас. Он был уверен, что *как-нибудь* все образуется.

– Хорошо сказано, – одобрил Вилкинсон. – У тебя все?

Мокриц прищурился. Занавеска в окне кареты дернулась. Дверца распахнулась. Величайшее из всех сокровищ – Надежда слабо замаячила перед ним.

– Да нет же, это не было мое *последнее* слово, – сказал он. – Э-э-э... дайте подумать...

Из кареты вышел худощавый человек секретарского вида.

– М-м-м... я не делал ничего... э... такого уж страшно-го...

Ага, все становится на свои места. Витинари просто решил припугнуть его. Это было бы вполне в его духе, исходя из того, что Мокриц о нем слышал. Сейчас будет помилование!

– Я... пф... это...

Там, внизу, секретарь с трудом протискивался через людскую массу.

– Ты не мог бы немного ускориться, господин Стеклярс? – попросил палач. – Перед смертью не надышишься.

– Я собираюсь с мыслями, – высокопарно заявил Мокриц, не спуская глаз с секретаря, который как раз обогнул крупного тролля.

– Надо же и честь знать, – заметил Вилкинсон, недоволь-

ный таким нарушением этикета. – А то так можно, э, м-м-м, кхм, *ина год* это дело растянуть! Коротенько и бодренько, господин, в таком духе.

– Да, да, – отозвался Мокриц. – Кхм... о, гляди-ка, видишь, там человек тебе машет!

Палач заметил секретаря, почти пробившегося в первые ряды.

– У меня сообщение от лорда Витинари! – прокричал тот.

– Да! – воскликнул Мокриц.

– Он велит кончать побыстрее, утро уже наступило!

– Эх, – сказал Мокриц и перевел взгляд на черную карету. А чувство юмора у этого Витинари было прямо как у тюремщиков.

– Ну же, господин Стеклярс, ты ведь не хочешь, чтобы у меня из-за тебя были проблемы? – сказал палач, похлопывая его по плечу. – Пару слов – и мы все сможем снова заняться своими делами – за исключением некоторых, конечно.

Значит, *это был* конец. Как ни странно, это в известной степени раскрепощало. Не надо больше бояться самого страшного из возможных последствий, потому что – вот оно, и оно уже почти позади. Тюремщик был прав. В этой жизни нужно миновать ананас во фруктовой корзине, подумал Мокриц. Он тяжелый, колючий, шишковатый, но под ним могут оказаться персики. С такой идеей стоило идти по жизни – и значит, сейчас от нее не было ни малейшего проку.

– В таком случае, – сказал Мокриц фон Липвиг, – я вру-

чаю свою душу любому богу, который сможет ее отыскать.

– Класс, – одобрил палач и потянул за рычаг.

Альберт Стеклярс умер.

Все сошлись во мнении, что это были славные последние слова.

– А, господин фон Липвиг! – послышался отдаленный голос, постепенно приближаясь. – Очнулся? И все еще жив – на данный момент.

Последняя фраза была произнесена с такой интонацией, что Мокриц сразу понял: продолжительность данного момента всецело зависела от воли говорящего.

Мокриц открыл глаза. Он сидел в удобном кресле. За столом напротив, поджав губы и в раздумье сложив ладони перед лицом, сидел Хэвлок Витинари, под чьим экстравагантным деспотичным правлением Анк-Морпорк стал городом, в котором по какой-то неведомой причине хотел жить каждый.

Древний животный инстинкт подсказал Мокрицу, что за удобным креслом стояли какие-то люди и любое резкое движение может причинить ему крайнее неудобство. Но люди эти вряд ли были страшнее смотревшего на него в упор худосочного, облаченного во все черное человека с маленькой пижонской бородкой и руками пианиста.

– Рассказать тебе об ангелах, господин фон Липвиг? – любезно предложил патриций. – Я знаю о них два занимательных факта.

Мокриц захрипел. В поле его зрения не было пути к спасе-

нию, а о том, чтобы оглянуться, он даже не помышлял. Шея болела со страшной силой.

– Ах да. Тебя же повесили, – сказал Витинари. – Повешенье – очень точная наука. Господин Трупер в ней большой знаток. Толщина веревки, ее гладкость, узел, затянутый там, а *нетут*, пропорции веса и расстояния... о, он мог бы написать об этом целую книгу. Тебя повесили в полудюйме от смерти, насколько я могу судить. Только специалист мог бы это заметить – и в данном случае таким специалистом был наш друг господин Трупер. Нет, Альберт Стеклярс умер, господин фон Липвиг. Триста человек могут поклясться, что видели это воочию, – он подался вперед. – И вот сейчас я хочу поговорить с тобой об ангелах.

Мокриц сдавленно засипел.

– Первый занимательный факт об ангелах, господин фон Липвиг, состоит в том, что иногда, очень редко, когда человек оступился и так запутался, что превратил свою жизнь в полный бардак и смерть кажется единственным разумным выходом, в такую минуту к нему приходит или, лучше сказать, *ему является* ангел и предлагает вернуться в ту точку, откуда все пошло не так, и на сей раз сделать все *правильно*. Господин фон Липвиг, я бы хотел, чтобы ты воспринимал меня... как ангела.

Мокриц уставился на патриция. Он чувствовал хватку веревки, удушье петли! Он помнил, как накатила чернота! *Он умер!*

– Я предлагаю тебе работу, господин фон Липвиг. Альберт Стеклярс покойся с миром, но у Мокрица фон Липвига есть *будущее*. Которое может оказаться совсем коротким, если он поведет себя неразумно. Я предлагаю тебе работу. И жалование. Я понимаю, что тебе может быть незнакома такая система.

Только как разновидность ада, подумал Мокриц.

– Предлагаю тебе должность главного почтмейстера анк-морпоркского Почтамта.

Мокриц продолжал таращиться на него.

– Позволю себе лишь добавить, господин фон Липвиг, что позади тебя есть дверь. Если в какой-то момент ты решишь, что хочешь уйти, тебе достаточно лишь переступить порог, и больше ты никогда обо мне не услышишь.

Мокриц пометил эту ремарку: «крайне подозрительно».

– Продолжу. Твои обязанности, господин фон Липвиг, включают ремонт здания, возобновление деятельности городской почты, обработку международных доставок, обслуживание Почтамта – и так далее и тому подобное...

– Может, мне еще метлу в задний проход вставить и пол вам подмести? – произнес голос, и Мокриц осознал, что этот голос принадлежал ему. В голове была каша. Большим потрясением было обнаружить, что жизнь после смерти – это та же самая жизнь.

Лорд Витинари посмотрел на него мучительно долгим взглядом.

– Ну, если ты настаиваешь, – ответил он и повернулся к вездесущему секретарю. – Стукпостук, у нас есть чулан на этом этаже?

– Конечно, милорд, – ответил секретарь. – Мне принести?..

– Я же пошутил! – выпалил Мокриц.

– О. Прошу прощения. Я не понял юмора, – сказал Витинари, поворачиваясь обратно к Мокрицу. – Дай мне знать, если почувствуешь необходимость сделать это снова.

– Слушайте, – сказал Мокриц. – Я не очень понимаю, что здесь сейчас происходит, но я не имею *никакого* понятия, как работает почта!

– Господин Мокриц, еще этим утром ты не имел понятия, как работает виселица, и тем не менее, если бы не мое участие, ты бы уже показал в этом класс, – резко парировал Витинари. – Что лишний раз доказывает: не попробуешь – не узнаешь.

– Но когда вы приговорили меня...

Витинари поднял бледную ладонь.

– Да?

Мозг Мокрица, слава богам, сообразивший, что пора поработать, включился в разговор и поправился:

– Гм... когда вы... приговорили... Альберта Стекляrsa...

– Замечательно. Продолжай.

– ...вы назвали его прирожденным преступником, мошенником по призванию, прожженным лжецом, злым гением и

исключительно не заслуживающим доверия!

– Ты принимаешь мое предложение, господин фон Липвиг? – прервал его Витинари.

Мокриц посмотрел на него.

– Минуточку, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Я только кое-что проверю.

За креслом стояли двое мужчин, одетых в черное. Это не было элегантное черное, скорее такое, которое надевают, чтобы не оставлять следов на одежде. Их можно было принять за клерков – если только не заглядывать им в глаза.

Они пропустили Мокрица, когда он направился к двери, которая, как и было обещано, обнаружилась позади. Очень осторожно Мокриц открыл ее. За дверью ничего не было, даже пола. Как человек, привыкший во всем искать малейшие лазейки, он вытащил из кармана огрызок ложки и бросил вниз. Прошло немало времени, прежде чем ложка, наконец, звякнула.

Тогда он вернулся и уселся в кресло.

– Перспектива свободы? – уточнил Мокриц.

– Именно, – согласился лорд Витинари. – Выбор есть всегда.

– Вы считаете... я мог выбрать верную смерть?

– Какой-никакой, но выбор, – ответил Витинари. – Или, лучше сказать, альтернатива. Видишь ли, *я верю* в свободу, господин фон Липвиг. А верят в нее немногие, хоть и кричат об обратном. И никакое определение свободы на практике не

будет полным без свободы отвечать за свои поступки. Это и есть та свобода, на которой держатся все остальные. Итак... принимаешь ли ты мое предложение? Никто тебя не узнает, не беспокойся. Похоже, тебя никто никогда не узнаёт.

Мокриц пожал плечами.

– Ну ладно. Конечно, принимаю, как прирожденный преступник, прожженный лжец, мошенник и безнадежно ненадежный злой гений.

– Решено! Добро пожаловать на государственную службу! – сказал лорд Витинари, протягивая ему руку. – Я горжусь тем, что выбрал правильного человека. Оклад – двадцать долларов в неделю, и почтмейстеру в пользование предоставляются скромные апартаменты в основном здании Почтамта. И, кажется, форменный головной убор. Буду ждать регулярных отчетов. Всего хорошего.

Он погрузился в чтение бумаг. Потом поднял глаза.

– Ты еще здесь, почтмейстер?

– И это *все*? – удивился Мокриц. – То вы меня вешаете, то в следующий момент нанимаете на работу?

– Дай-ка подумать... да, так и есть. Ах нет. Ну конечно. Стукпостук, отдай господину фон Липвигу его ключи.

Секретарь сделал шаг вперед и вручил Мокрицу увесистую проржавленную связку ключей, после чего протянул ему бумагу.

– Распишись в получении, почтмейстер.

Погодите-ка, пришло Мокрицу в голову, это просто го-

род. В нем есть ворота. И от ворот в разные стороны расходятся десятки путей для побега. Какая разница, что подписывать?

– С удовольствием, – сказал он и нацарапал имя.

– *Настоящее* имя, – сказал лорд Витинари, не отрываясь от бумаг. – Что он написал, Стукпостук?

Секретарь вытянул шею.

– Э... Этель Змейг, милорд, насколько я могу разобрать.

– Постарайся сосредоточиться, господин фон Липвиг, – устало сказал Витинари, продолжая читать документы.

Мокриц расписался еще раз. В конце концов, какая разница, если пускаться в долгие бега? А бега будут долгие, особенно если ему не удастся раздобыть лошадь.

– Остается только решить вопрос с твоим надсмотрщиком, – сказал лорд Витинари, все еще погруженный в разложенные перед ним бумаги.

– Надсмотрщиком?

– Да. Я же не совсем идиот, господин фон Липвиг. Он будет ждать тебя через десять минут напротив здания Почтамта. Всего хорошего.

Когда Мокриц удалился, Стукпостук вежливо откашлялся и спросил:

– Вы думаете, он там объявится, милорд?

– Всегда нужно учитывать особенности мышления индивидуума, – сказал Витинари, исправляя грамматические ошибки в рапорте. – Я поступаю так всегда, а ты, увы и ах,

нередко упускаешь это из виду. Вот почему он вышел отсюда *своим* карандашом в кармане.

Всегда передвигайся быстро. Никогда не знаешь, что следует за тобой по пятам.

Через десять минут Мокриц фон Липвиг был уже далеко за пределами города. Он *купил* лошадь, за что ему должно было быть стыдно, но времени было в обрез, и он успел только прихватить сбережения из одного-единственного тайника да урвать по уценке дряхлую клячу из конюшен Гобсона. Зато никто не хватится и не побежит заявлять в Стражу.

Никто не остановил его. Никто не задержал на нем свой взгляд – как и всегда. И городские ворота были распахнуты настежь. Перед ним расстилались равнины, полные возможностей. А уж в том, чтобы сделать из ничего кое-что, ему не было равных. Например, в первом же городе, который попадется ему на пути, он возьмется за старушку лошадку и при помощи элементарных средств и приемов сделает так, что за нее дадут вдвое больше – по крайней мере, в течение двадцати минут или до первого дождя. Но двадцати минут будет более чем достаточно, чтобы продать ее и, если повезет, купить новую, получше, за которую возьмут не слишком дорого. Те же манипуляции он повторит и в следующем городе и дня через три-четыре будет владельцем лошади, которой не стыдно обладать.

Это станет прелюдией, разминкой для восстановления

формы. У Мокрица с собой были три почти что бриллиантовых кольца, зашитых под подкладку сюртука, одно настоящее – в потайном кармашке в рукаве – и один почти что золотой доллар, ловко вшитый под воротничок. Для него это было то же, что пила с молотком для плотника. Средства примитивные, но они позволяют ему вернуться в седло.

Есть такое высказывание: «Нельзя обдурить честного человека», – его особенно любят повторять те, кто неплохо устроился, обдуривая честных людей. Мокриц, однако, этим не промышлял – по крайней мере осознанно. Если ты обдурить честного человека, он, скорее всего, сообщит местной Страже, а в эти дни от нее стало непросто откупиться. Дурить нечестных людей было куда как безопаснее и, кстати, азартнее. Не говоря уж о том, что их было намного больше. Днем с огнем искать не приходилось.

Полчаса спустя после прибытия в Вырчай, откуда большой город виднелся столбом дыма на горизонте, Мокриц подошел к трактиру, понурясь, не имея ни гроша за душой, кроме подлинного бриллиантового кольца ценой в сотню долларов, и больше всего на свете желая вернуться домой, в Орлею, где его бедная старушка мать помирала от комалярии. Еще одиннадцать минут спустя он в ожидании стоял перед ювелирной лавкой, в которой ювелир рассказывал отзвучившему горожанину, что кольцо, которое путник был готов продать за двадцать долларов, на самом деле стоило все семьдесят пять (ювелирам тоже ведь нужно на что-то жить).

И спустя еще тридцать пять минут Мокриц уже скакал на приличной лошади с пятеркой долларов в кармане, оставив позади довольного собой отзывчивого горожанина, которому хоть и хватило ума внимательно следить за каждым движением Мокрица, но вот-вот предстояло войти в ювелирную лавку с намерением продать за семьдесят пять долларов медное колечко со сверкающей стекляшкой, которое стоило не больше пятидесяти пенсов в базарный день.

Слава богам, мир был лишен честных людей и сказочно богат теми, кто был уверен, что уж он-то всегда отличит честного человека от мошенника.

Мокриц похлопал себя по карману сюртука. Тюремщики стянули его карту, скорее всего тогда, когда он свыкался с ролью покойника. Это была хорошая карта. Изучая ее, Вилкинсон со товарищи многое узнают о криптографии, географии и картографии. Однако они не обнаружат на ней местонахождения ста пятидесяти тысяч анк-морпоркских долларов в разных валютах, потому что карта была совершенной – в обоих смыслах слова – выдумкой. Но Мокрица грело и забавляло прекрасное чувство, что на некоторое время тюремщики станут обладателями величайшего из всех сокровищ – Надежды.

Мокриц считал, что тому, кто не в состоянии элементарно *запомнить*, куда он запрятал огромное состояние, стоит его лишиться. Но пока нужно было держаться от клада подальше и иметь в виду на будущее...

Мокриц даже не потрудился запомнить название следующего города у него на пути. Там имелся трактир, и этого было довольно. Мокриц снял комнату с видом на безлюдный переулок, убедился, что окно легко открывается, поужинал как следует и сразу лег спать.

Не так уж плохо, подумал он. Еще утром он стоял на эшафоте, вокруг его шеи самым настоящим образом была затянута самая настоящая петля, а к вечеру – он снова в деле. Оставалось лишь отрастить бороду и полгода держаться подальше от Анк-Морпорка. Хотя хватит и трех месяцев.

У Мокрица был талант. Вдобавок он так освоил свое ремесло, что оно стало его второй натурой. Он *научился* быть представительным, но что-то в его внешности делало Мокрица незапоминающимся. У него был талант оставаться незамеченным, быть просто лицом в толпе. Попытки описать его вызывали у людей затруднения. Мокриц был... он был весь «примерно». Примерно лет двадцати или примерно тридцати. В рапортах Стражи по всему континенту его описания колебались от... ох, боги... примерно шести футов двух дюймов до примерно пяти футов девяти дюймов роста, упоминались волосы всех оттенков – от каштанового до светло-русого, а отсутствие особых примет распространялось на весь облик целиком. Мокриц был весь какой-то средний. Что люди *запоминали*, так это мелочи вроде очков и усов, поэтому у него при себе всегда было по набору. Еще люди запоминали имена и повадки – их у Мокрица насчиты-

вались сотни.

Ах да: еще они помнили, что до встречи с ним у них было больше денег.

В три часа ночи дверь с грохотом распахнулась. Грохот был что надо. Щепки полетели во все стороны. Но Мокриц уже выскочил из постели и нырнул в окно прежде, чем хоть одна из них успела упасть на пол. Он проделал это на автомате, даже не задумавшись. Кроме того – и это он проверил перед тем, как лечь спать, – под окном стояла большая бочка с водой, которая должна была смягчить его падение.

Сейчас ее там не было.

Но кто бы ни стащил бочку, он не стащил из-под нее землю, на которую Мокриц и упал, подвернув себе ногу.

Он вскочил, тихо причитая от боли, и поковылял по переулку, опираясь о стену. Трактирная конюшня находилась прямо за углом. Ему нужно было просто вскочить на лошадь, на любую лошадь...

– Господин Фон Липфиг? – пророкотал зычный бас.

О боги, это был тролль, *это звучало* как тролль, да еще и не самый маленький. Мокриц и не знал, что они встречаются за пределами больших городов...

– Тебе Не Убежать И Не Спрятаться, Господин Фон Липфиг!

Стоп, стоп, стоп – он же никому здесь не называл свое имя. Но эта мысль мелькнула на задворках его сознания. Его преследовали – он бежал. Даже хромая на одну ногу.

У самого входа в конюшню он рискнул оглянуться. В его комнате что-то мерцало красным. Неужели кто-то сожжет тут все дотла из-за пары долларов? Какая глупость! Если уж тебе всучили добротную подделку, нужно скорее сбыть ее на руки другому лопуху, что тут *непонятного*? Некоторые люди безнадежны.

Его лошадь была единственной в конюшне и не очень-то обрадовалась при виде Мокрица. Прыгая на одной ноге, он натянул на нее уздечку. Возиться с седлом смысла не было. Он умел ездить верхом и без него. Да что там: однажды ему пришлось скакать без штанов, но, к счастью, смола и перья крепко прилепили его к лошади. Если нужно было поспешно покинуть город – тут Мокриц был чемпион.

Он уже собирался вывести лошадь из стойла, но вдруг что-то звякнуло.

Мокриц посмотрел вниз и разгреб ногой солому.

Две короткие цепочки, скрепленные между собой ярко-желтым бруском, крепко обхватывали ноги лошади. Теперь она могла передвигаться только прыжками, совсем как он.

Ее «обули». Ее, черт возьми, «обули».

– Ох, Господин Фон Липппппфиг! – прогремело с конюшенного двора. – Зачитать Тебе Правила, Господин Фон Липфиг?

Он лихорадочно огляделся. Поблизости не было ничего, что сошло бы за оружие, да и все равно, от оружия Мокриц

нервничал, потому никогда и не имел его при себе. Оружие делало ставки слишком высокими. Куда приятнее было полагаться на собственный талант решать проблемы методом заговаривания зубов или, в случае провала, на удобные башмаки и фразу: «Ой, смотри, что это там!»

Но что-то ему подсказывало, что, как бы он сейчас ни распинался, слушать его не станут. А давать деру придется еще и вприпрыжку.

В углу он нашел метлу и деревянное корыто. Пока тяжелые шаги громыхали, приближаясь к конюшне, Мокриц сунул палку от метлы под мышку, приспособив ее вместо костыля, и схватил корыто за ручку. Когда дверь открылась, он со всей мочи выбросил корыто вперед и *почувствовал*, как оно разбивается вдребезги. Щепки разлетелись по воздуху. Секунду спустя послышался глухой стук тела, рухнувшего наземь.

Мокриц перепрыгнул через него и, пошатываясь, нырнул в темноту.

Что-то крепкое и твердое охватило его здоровую ногу, как кандалы. На мгновение он повис на метле – и упал.

– Я Не Желаю Тебе Ничего Дурного, Господин Фон Липфиг! – успокоил раскатистый бас.

Мокриц застонал. Метла, видимо, играла декоративную роль, потому как по назначению она здесь явно не использовалась. С одной стороны, именно поэтому он упал на мягкое. С другой – именно поэтому он упал *во что-то* мягкое.

Кто-то схватил его за шюрок и вытащил из навозной кучи.

– Подъем, Господин Фон Липвиг!

– Тупица, это произносится «Липвиг», – простонал он. –

Там «вэ», а не «фэ»!

– Подъем, Господин Вон Липвиг! – повторил бас, и Мокрицу под мышку сунули метлу-костыль.

– Да кто ты такой, в конце концов? – выдавил Мокриц.

– Я Твой Надсмотрщик, Господин Вон Липвиг!

Мокриц заставил себя обернуться и посмотреть вверх, и еще вверх, в пряничное лицо существа с горящими красными глазами. Когда оно говорило, во рту виднелись отблески адского пламени.

– Голем? В самом деле? *Голем?*

Существо взяло его в охапку и перекинуло через плечо. А потом нагнулось в стойло, и Мокриц, перевернутый вверх тормашками и прижатый носом к кирпичному туловищу голема, догадался, что другой рукой тот подбирает его лошадь. Она откликнулась коротким ржанием.

– Нам Нужно Поторопиться, Господин Вон Липвиг! У Тебя Назначена Встреча С Лордом Витинари На Восемь! А Служба Начинается В Девять!

Мокриц застонал.

– А, *господин фон Липвиг*. Увы, мы снова встретились, – произнес лорд Витинари.

Было восемь часов утра. Мокрица качало. Нога болела

меньше, но о других частях тела этого нельзя было сказать.

— Оно шло всю ночь! — выпалил он. — Всю ночь, черт возьми! С лошадьё под мышкой!

— Присаживайся, господин фон Липвиг, — сказал Витинари, оторвавшись от своего занятия, и устало указал ему на кресло. — «Оно», кстати, на самом деле «он». В знак уважения — я возлагаю на господина Помпу большие надежды.

Мокриц увидел мерцание на стене напротив — это у него за спиной улыбнулся голем.

Витинари снова опустил взгляд, как будто потеряв интерес к Мокрицу. Большую часть стола занимала каменная плита. Она была заставлена маленькими резными фигурками гномов и троллей. Было похоже на какую-то игру.

— *Господина Помпу?* — переспросил Мокриц.

— М-м? — Витинари склонил голову, чтобы посмотреть на доску под другим углом.

Мокриц нагнулся к патрицию и большим пальцем ткнул в сторону голема.

— *Это,* — повторил он, — называется *господин Помпа?*

— Нет, — ответил лорд Витинари и подался навстречу Мокрицу, всецело и бесповоротно сосредотачивая все внимание на нем. — *Его* зовут господин Помпа. Господин Помпа — должностное лицо. Господин Помпа никогда не спит. Господин Помпа никогда не ест. И господин Помпа, почтмейстер, *никогда не останавливается.*

— И что конкретно это означает?

– Это означает, что, если тебе приспичит, скажем, сесть на корабль до Четвертого континента, на том основании, что господин Помпа-де большой, тяжелый и путешествует только по суше, – господин Помпа последует за тобой. Тебе нужен сон – господину Помпе нет. Господину Помпе не нужен воздух. Глубоководные океанские бездны не преграда для господина Помпы. Четыре мили в час равно шестьсот семьдесят две мили в неделю. Простая арифметика. И когда господин Помпа настигнет тебя...

– Вот здесь, – вмешался Мокриц, подняв палец, – позволите прервать вас. Потому что големам *нельзя* причинять людям вред!

Лорд Витинари вскинул брови.

– Святые угодники, где ты такое слышал?

– Это написано... на чем-то, что у них там в голове. На свитке, что ли. А что, это не так? – неуверенно спросил Мокриц.

– Ох-ох-ох, – вздохнул патриций. – Господин Помпа, просто сломай господину фон Липвигу палец. Только аккуратно, пожалуйста.

– Слушаюсь, Ваше Сиятельство.

Голем двинулся вперед.

– Эй! Что?! Нет! – Мокриц замахал руками и опрокинул игрушечные фигурки. – Стоп! Стоп! Есть же *правило*! Голем не может причинить вреда человеку или допустить, чтобы человеку был причинен вред!

Лорд Витинари поднял палец.

– Подожди минутку, господин Помпа. Допустим, господин фон Липвиг. А помнишь ли ты, как там дальше?

– Дальше? Какое «дальше»? – спросил Мокриц. – Нет там никакого «дальше»!

Лорд Витинари поднял бровь.

– Господин Помпа? – сказал он.

– Если Только Это Не Приказ, Исходящий От Вышестоящего Лица, – сказал голем.

– Я никогда не слышал *этой* части, – возмутился Мокриц.

– Неужели? – удивился лорд Витинари. – Представить не могу, как можно было такое упустить. Не дело молотка – отказываться забивать гвоздь в голову, или пилы – выносить моральные суждения о характере пиломатериала. В любом случае, у меня в подчинении есть господин Трупер, палач, с которым ты уже успел познакомиться, Городская Стража, войска и время от времени... иные специалисты, которые всецело уполномочены убивать в целях самозащиты – или защиты города и его интересов, – Витинари стал подбирать упавшие фигурки и заботливо расставлять их на доске. – Почему господин Помпа должен чем-то отличаться от них на том лишь основании, что он сделан из глины? По существу, все мы таковы. Господин Помпа проводит тебя до места твоей службы. По легенде у тебя будет телохранитель, как и подобает высокопоставленному лицу. Только нам будет известно о... дополнительных указаниях. Големы по своей природе

де высоконравственные создания, господин фон Липвиг, но тебе это может показаться слегка... старомодным.

– Дополнительные указания? – уточнил Мокриц. – А вас не затруднит сообщить мне, в чем именно состоят эти дополнительные указания?

– Отнюдь. – Патриций сдул пылинку с маленького каменного тролля и поставил его на нужную клетку.

– Ну так? – спросил Мокриц, выждав паузу.

Витинари вздохнул.

– Отнюдь, меня *затруднит* сообщить тебе, в чем именно они состоят. Это вне твоей юрисдикции. К слову, мы конфисковали твою лошадь, поскольку ее использовали с целью совершения преступления.

– Это жестокое и странное наказание, – сказал Мокриц.

– В самом деле? – удивился Витинари. – Я предлагаю тебе непыльную конторскую работу, относительную свободу передвижения, свежий воздух... нет, я согласен, что это и правда необычное предложение, но – жестокое? Что ты. В подземельях у нас еще остались древние приспособления для *действительно* жестоких наказаний, и зачастую более чем странных, если захочешь сравнить. Ну и конечно, всегда есть возможность станцевать сизалевый тустеп.

– Чего? – не понял Мокриц.

Стукпостук наклонился и прошептал что-то на ухо патрицию.

– О, я прошу прощения, – извинился Витинари. – Я, ко-

нечно, имел в виду пеньковое фанданго. Тебе решать, господин фон Липвиг. Выбор есть *всегда*. Да, кстати... хочешь знать *второй* занимательный факт об ангелах?

– Каких еще ангелах? – окрысился ничего не понимающий Мокриц.

– Ох, люди вечно пропускают мимо ушей, – сказал Витинари. – Факты об ангелах. Я вчера рассказывал. Видимо, ты тогда отвлекся. Так вот, *второй* занимательный факт состоит в том, господин фон Липвиг, что *ангел является лишь однажды*.

Глава вторая

Почтамт

В которой мы знакомимся с персоналом – Ни лода, ни мак ночи – Рассуждение о рифмованных диалектах – «Вы бы только видели!» – Мертвые письма – Житье голема – Устав

Ко всему есть подход. У всего есть цена. Всегда есть выход.

Рассуждая таким образом, Мокриц решил: верная смерть была заменена вероятной, и это уже был шаг вперед. Он хотя бы мог свободно перемещаться... правда, пока что прихрамывая. И существовала вероятность того, что где-то во всем этом была выгода. Ведь *могла бы* быть. Он умел видеть возможность там, где другие видели лишь бесплодную землю. С него же не убудет, если несколько дней поиграть по правилам, верно? Нога тем временем заживет, он выяснит ситуацию, он составит *план*. Он даже может проверить, насколько несокрушимы големы на самом деле. Они ведь гончарные изделия, в конце-то концов. Вещи иногда ломаются.

Мокриц фон Липвиг окинул взглядом свое будущее.

Анк-морпоркский Центральный Почтамт производил удручающее впечатление. Здание было возведено в сугубо практических целях и в общих чертах представляло собой большую коробку, куда помещались сотрудники, с двумя флигелями буквой «П», окружавшими конный двор позади

здания. К фронтому прилепили располовиненные дешевые колонны, вырезали ниши для аляповатых гипсовых нимф, расставили вдоль парапета несколько каменных урн – и так появилась на свет сия Архитектура.

Выказывая свое почтение к художественному замыслу зодчего, добрые горожане, а вероятнее всего, их детишки покрыли стены здания разноцветными граффити на высоту шести футов.

Наверху вдоль всего фронтона, где камень пошел зелеными и бурыми пятнами, бронзовыми буквами были выложены слова.

– «НИ ДОЖДИ НИ ЛОДА НИ МАК НОЧИ НЕ ПОМЕША Т ОНЦАМ В ИСПОЛНЕНИИ ИХ ДОЛГА», – прочитал Мокриц вслух. – Что за бред?

– Почтамт Прежде Был Важным Учреждением, – отозвался Помпа.

– *Аэто* тогда что? – указал Мокриц. На дощечке namного ниже облупившейся краской были выведены менее торжественные слова:

НИ СПРАШЫВАЙТЕ ПРО:

камни

тролев с палками

Всяких там драконов

Госпожу Торт

Балыших зеленых зубастых тварей

черных собак с оранжевыми бровями

Дождь из спаниэлев

туман

госпожа Торт

– Я Сказал, *Прежде* Был Важным Учреждением, – пророкотал голем.

– Кто такая госпожа Торт?

– Боюсь, Мне Нечего На Это Ответить, Господин Вон Липвиг.

– Ее, кажется, побаиваются.

– Похоже На То, Господин Вон Липвиг.

Мокриц огляделся по сторонам, рассматривая этот суетный уголок суетного города. Люди не обращали на него внимания, разве что голем время от времени удостаивался беглого и отнюдь не дружелюбного взгляда.

Все это было слишком странно. В последний раз его называли настоящим именем – когда? – в четырнадцать лет. И одним богам известно, когда в последний раз он выходил на люди без накладных особых примет. Мокриц чувствовал себя раздетым. Раздетым и незаметным.

Не возбудив ровным счетом ничьего интереса, он поднялся по облезшим ступеням и вставил ключ в скважину. К его удивлению, ключ легко провернулся, и заляпанные краской двери распахнулись, даже не заскрипев.

У себя за спиной Мокриц слышал размеренный, гулкий стук. Это господин Помпа похлопал в ладоши.

– Поздравляю, Господин Вон Липвиг. Твой Первый Шаг На Пути К Личному И Общественному Процветанию Сде-

лан!

– Ага, как же, – буркнул Мокриц.

Он ступил в просторный мрачный вестибюль, куда свет проникал только через большой закопченный свод потолка. Даже в яркий полдень здесь стоял полумрак. Художники граффити поработали и тут.

В полутьме Мокриц разглядел длинный сломанный прилавок, а за ним – какие-то дверцы и ряды почтовых ящиков-скворечников.

А лучше сказать *голубятен*. Потому что в скворечниках гнездились настоящие голуби. Кислый и едкий запах застарелого помета стоял в воздухе. Шаги Мокрица по мраморным плитам отдались гулким эхом, и сотни голубей сорвались с насиженных мест и в панике взвились в воздух, устремляясь к прорехе в стеклянной крыше.

– Вот же дерьмо, – произнес он.

– Мы Не Поощряем Сквернословие, Господин Вон Лип-виг, – отозвался господин Помпа у него из-за спины.

– Как так? Здесь это на стенах написано! И вообще, я говорил описательно. Птичий помет. Здесь целые тонны этой дряни! – возмутился Мокриц, слыша, как его собственный голос эхом отражается от дальних стен. – Когда закрылась почта?

– Двадцать лет тому назад, почтмейстер!

Мокриц огляделся по сторонам.

– Кто это? – спросил он. Голос раздавался сразу отовсюду.

Послышалось шарканье шагов и цоканье клюки, и в сером неживом пропыленном воздухе возникла согбенная фигура старика.

– Грош, сэр, – проскрипел он. – Младший почтальон Грош. К вашим услугам, сэр. Только скажите, и *яринусь*, сэр, *ринусь*, говорю, в бой. – Старик прервался и зашелся в долгом приступе кашля, с таким звуком, будто мешком камней били по стене. Мокриц разглядел, что у старика была короткая встопорщенная борода, которая наводила на мысль, что ее обладателя отвлекли от поедания ежика.

– *Младиий* почтальон Грош? – переспросил он.

– Так точно, вашеблагородь. По той причине, что здесь никто надолго не задерживался и не успевал меня повесить, сэр. А то был бы старший почтальон Грош, сэр, – добавил старик выразительно и опять зашелся неистовым кашлем.

Уж скорее бывший почтальон Грош, подумал про себя Мокриц, а вслух сказал:

– И ты здесь работаешь?

– О да, сэр, а как же. Теперь только я да мальчонка. Бойкий он парнишка, сэр. Мы содержим здесь все в чистоте, сэр. Все по Уставу.

Мокриц не мог отвести глаз. Грош носил тупей. Если где-то на свете и существовал человек, которого красит тупей – ну вдруг, – Грош этим человеком определенно не был. Парик был каштанового цвета, не той формы, не того размера, не того фасона, и вообще *такой*.

– А, вижу, вам нравится моя прическа, сэр, – заметил Грош с гордостью, и тупей слегка перекосялся. – Все свое, родное. Ни разу не сироп.

– Э... сироп? – не понял Мокриц.

– Извиняйте, сэр. Не стоило говорить на жаргоне. «Сливовый сироп», я имел в виду, на дурвильском жаргоне «парик» значит¹. Вы, небось, думаете, что немногим в моем возрасте посчастливилось сохранить такую шевелюру. Чистота и порядок, внутри и снаружи, вот что способствует.

Мокриц обвел глазами крутые горы птичьего помета, вдохнул зловонный воздух.

– Молодец, – пробормотал он. – Что ж, господин Грош, где тут мой кабинет? Или что мне полагается?

Видимая поверх щетинистой бороды часть лица Гроша вдруг стала смахивать на морду загнанного зайца.

– О да, сэр, *техничски*, – затараторил он. – Но мы туда стараемся не соваться, ни-ни, потому что пол, сэр, очень плохой. Совсем плохой. Грозит провалиться в любую минуту,

¹ Дурвильский Безритмический Рифмованный Жаргон. Миру известны самые разнообразные рифмованные сленги, обогатившие язык такими выражениями, как «фрукт не овощ» (помощь), «куд-кудах» (страх) и «шишел-мышел» (Общая Теория Относительности). Дурвильский уличный рифмованный сленг отличается от прочих известных тем, что в нем, парадоксальным образом, ничего не рифмуется. Никто не знает этому причин, но были выдвинуты следующие теории: 1) это сложный диалект, подчиняющийся на деле множеству никому не известных законов, 2) название ему очень подходит и 3) его сочинили, чтобы действовать на нервы иностранцам, что справедливо для подавляющего большинства подобных сленгов.

сэр. Пользуемся гардеробом для сотрудников, сэр. Ступайте за мной, сэр, я провожу.

Мокриц чуть не расхохотался.

– Ну что ж, – согласился он и повернулся к голему. – Хм... господин Помпа?

– Слушаю, Господин Вон Липвиг.

– Тебе разрешено помогать мне или ты просто ждешь, пока снова нужно будет тукнуть меня по кумполу?

– Зачем Говорить Обидные Вещи, Господин Вон Липвиг. Да, Мне Позволено Оказывать Надлежащую Помощь.

– Можешь вычистить отсюда голубиный помет и впустить немного света?

– Разумеется, Господин Вон Липвиг.

–*Можешь?*

– Голем Не Чурается Физического Труда, Господин Вон Липвиг. Я Схожу За Лопатой. – Помпа направился к прилавку, и бородатый младший почтальон задержался.

– Нет, – взвизгнул он, припустившись за големом. – Оставьте эти кучи в покое, это плохая идея!

– Что, полы провалятся, господин Грош? – весело поинтересовался Мокриц.

Грош перевел взгляд с Мокрица на голема и обратно. Открыл рот и снова закрыл, тщетно подыскивая слова. Он вздохнул.

– Спускайтесь в гардеробную. Нам сюда, господа.

Следуя за Грошем, Мокриц не мог не чувствовать исходящий от старика запах. Он был не то что плохой, просто... странный. Слегка химический, с разъедавшей глаза примесью ароматов всех мыслимых микстур от кашля и с едва уловимыми нотками гнилой картошки.

Небольшая лесенка вела вниз в подвал, где полы, видимо, не представляли опасности, так как проваливаться было некуда. Там и обнаружился гардероб. Это было длинное и узкое помещение. В дальнем его конце громоздилась печь, которая, как Мокриц узнал позднее, в свое время служила частью отопительной системы, ведь Почтамт был современно оборудованным зданием для своей эпохи. Теперь же рядом с печью примостилась небольшая круглая плитка, раскаленная докрасна. На ней закипал огромный черный чайник.

Воздух намекал на присутствие носков и дешевого угля и на отсутствие вентиляции. Вдоль одной стены выстроились обшарпанные именные деревянные шкафчики. Некогда яркая краска надписей выцвела и облезла. Через закоптелые окошки под самым потолком не без труда проникал свет.

Но каково бы ни было изначальное предназначение комнаты, сейчас здесь жили люди – два человека, которые ладили друг с другом, но тем не менее имели четкие представления о том, где «мое» и где «твое». Пространство было поделено пополам, и с обеих сторон у стен стояло по койке. Граница была краской проведена по полу, стенам и потолку: моя половина – твоя половина.

Не стоит забывать об этом, говорила линия, и тогда не возникнет никаких... разногласий.

Посередине, перекинувшись через разделительную линию, стоял стол, а на нем, с каждой стороны, – две чашки и две жестяные миски. Посередине была солонка. В этом месте разделительная линия превращалась в кружок, обозначая нейтральную территорию.

С одной стороны комнаты располагался громоздкий неприбранный верстак, заваленный банками, склянками и бумагами, – так могло бы выглядеть рабочее место алхимика до или после взрыва. С другой – старый карточный стол, на котором с настораживающей скрупулезностью выстроились стопки коробочек и ряды черных суконных свертков. На подставке красовалось увеличительное стекло – самое большое, что Мокрицу доводилось видеть.

Эта половина комнаты была чисто выметена. На другой же царил бардак, грозивший перевалить за полосу. А вон тот листок бумаги на замусоренной стороне или изначально был такой причудливой формы, или же кто-то заботливый и щепетильный вооружился острыми ножницами и отрезал уголок, который зашел слишком далеко.

Посреди чистой половины стоял юноша. Он тоже ждал появления Мокрица, но в отличие от Гроша не вполне отточил искусство стоять по стойке «смирно» или, скорее, лишь отчасти понимал ее значение. Его правый бок стоял гораздо более *смирно*, чем левый, и в результате целиком он напоми-

нал банан. Но на лице у него блуждала беспокойная улыбка до ушей, большие глаза горели, и весь он так и искрился рвением, не исключено, что граничащим с неадекватностью. Возникало отчетливое ощущение, что в любой момент он может укусить. К тому же на нем была голубая хлопковая рубашка с надписью «СПРОСИ МЕНЯ О БУЛАВКАХ!».

– Гм... – растерялся Мокриц.

– Ученик почтальона Стэнли, сэр, – пробубнил Грош. – Сирота, сэр. Печальная история. К нам пришел из богадельни братьев в Оффлере. Родители скончались от комалярии у себя на ферме где-то в глуши, сэр, и Стэнли рос с горошком.

– Рос горошком?

– С горошком, сэр. Редкий случай. Хороший парнишка, если его не расстраивать, но имеет обыкновение виться на солнышке, если понимаете, о чем я, сэр.

– Э-э-э... ну допустим, – ответил Мокриц и быстро повернулся к Стэнли. – А ты, значит, знаешь толк в булавках? – поинтересовался Мокриц бодрым, как он надеялся, голосом.

– Никакнетсэр! – выпалил Стэнли и разве что честь не отдал.

– Но у тебя написано...

– Язнаю все о булавках, сэр, – сказал Стэнли. – Все, что только можно!

– Что ж, это... – начал было Мокриц.

– Каждую мельчайшую деталь о булавках, сэр, – не унился Стэнли. – Нет такого факта о булавках, которого бы я

не знал. Спросите меня о булавках, сэр. Что вас интересует? Спрашивайте, сэр!

– Я... – Мокриц запнулся, но годы тренировок пришли ему на выручку. – Интересно, сколько булавок было выпущено в этом городе в прошлом го...

Он осекся. В лице Стэнли произошла перемена: оно разгладилось и утратило выражение, намекающее, что его хозяин вот-вот прыгнет на тебя и откусит ухо.

– За минувший год мастерскими (или «булавочными мануфактурами») Анк-Морпорка в сумме было выпущено двадцать семь миллионов восемьсот восемьдесят тысяч девятьсот семьдесят восемь булавок, – выдал Стэнли, уставившись в свою собственную переполненную булавками вселенную. – Включая булавки с восковыми головками, железные, латунные, с серебряными головками (и просто серебряные), удлиненные, машинного и ручного производства, копии и оригиналы, но не считая лацканные булавки, которые не должны стоять в одном ряду с настоящими, потому что технически относятся к разряду «значков», сэр.

– Да, да, кажется, видел я однажды какой-то журнальчик, – перебил Мокриц отчаянно. – Как же он назывался... «Ежемесячные булавки».

– О-о-ох, – вздохнул позади него Грош, а лицо Стэнли исказилось гримасой, уподобившись кошачьей филейной части с носом посередине.

– Это же для *любителей*, – зашипел Стэнли. – Не для на-

стоящих «булавочников»! Им там до булавок дела нет! Они могут что угодно себе думать, но у них в каждом номере целый разворот посвящен иголкам. Иголкам! Да кто угодно может коллекционировать иголки! Это же булавки с дырочками! Для этого, в конце концов, есть «Популярные иголки». Но нет, они же самые умные!

– Стэнли – редактор «Всех булавок», – шепотом подсказал Грош у Мокрица за спиной.

– Мне, кажется, не попадался на глаза... – начал Мокриц.

– Стэнли, не пойти ли тебе с помощником господина фон Липвига и не показать ему, где у нас лопата, – громко перебил его Грош. – Потом можешь сесть и перебирать свои булавки, пока не полегчает. Господину фон Липвигу не нужно видеть твоих... *эпизодов*, – он покосился на Мокрица.

– ...в прошлом году там была статья *оподушечках для булавок*, – проворчал Стэнли и ушел, топая ногами. Голем вышел следом.

– Он хороший парень, – сказал Грош. – В голове только немного чайник не в порядке. Дайте Стэнли его булавки, и никаких с ним хлопот. Иногда немного... перенапрягается, делов-то. Ах да, вот и третий член нашего дружного коллектива...

В комнату вошел большой черно-белый кот. Не обращая внимания ни на Мокрица, ни на Гроша, кот неторопливо побрел к потрепанной корзинке. Мокриц стоял у него на пути. Кот шел, пока его голова мягко не уткнулась в ноги Мокри-

цу. Тогда он остановился.

– Это Пис-Пис, сэр, – сказал Грош.

– *Пис-Пис?* – переспросил Мокриц. – Это в самом деле его кличка? Ты не шутишь?

– Не столько кличка, сколько описание, – ответил Грош. – Вы бы отошли в сторону, сэр, а то он так весь день с места не сойдет. Ему уж двадцать лет, и он в некотором смысле раб своих привычек.

Мокриц сделал шаг в сторону. Как ни в чем не бывало, кот продолжил путь и свернулся калачиком в своей корзине.

– Он что, слепой? – спросил Мокриц.

– Нет, сэр. Но он так привык и не изменяет своим привычкам, сэр, ни на секундошку. Очень спокойное животное. Не любит перестановок. Вы к нему привыкнете.

Чувствуя, что сказать что-то надо, но не зная, что именно, Мокриц кивнул на собрание склянок на верстаке Гроша.

– Алхимией балуешься? – спросил он.

– Нет, сэр! Я практикую народную медицину. Не верю я этим докторам, сэр. Ни дня не болел за всю свою жизнь! – Он громко хлопнул себя по груди с хлюпающим звуком, не свойственным живой плоти. – Байка, гусиный жир и горячий хлебный пудинг, сэр! Лучшая защита для бронхов против пагубных воздействий. Каждую неделю накладываю новый слой, и за всю жизнь даже не чихнул ни разу, сэр. Полезнее некуда, все только натуральное!

– Э... похвально, – сказал Мокриц.

– А хуже всего, – продолжал, понизив голос, Грош, – мыло. Ужасная гадость, сэр, смывает такие полезные соки. Я вам так скажу: оставьте вы все как есть. Берегите бронхи, кладите серы в носки и не забывайте о теплом нагруднике, и все вам будет нипочем. А вот вы, сэр, – такой молодой человек, как вы, должен беспокоиться о здоровье своего...

– Для чего вот это? – торопливо перебил Мокриц, взяв в руки горшочек с зеленоватой кашцей.

– А, это? От бородавок, сэр. Замечательное средство. Совершенно натуральное, совсем не то, что доктора прописывают.

Мокриц принялся.

– Из чего оно?

– Из мышьяка, сэр, – невозмутимо ответил Грош.

– *Из мышьяка?*

– Натуральный продукт, сэр. Еще и зеленый.

«Итак, – подумал Мокриц, осторожно вернув горшочек на прежнее место, – в стенах Почтамта и во внешнем мире понятия о нормальности явно не совпадают по вектору. Как бы не запутаться. Пожалуй, здесь стоит примерить роль увлеченного, хотя и озадаченного управляющего», – решил он. Впрочем, за исключением «увлеченности», играть ничего и не приходилось.

– Поможешь мне тут разобраться во всем, Грош? Яничегошеньки не смыслю в работе почты.

– А чем вы занимались раньше?

Воровал. Облапошивал. Подделывал. Жульничал. Но никогда — и это важный момент, — никогда не причинял никому боли. Никогда. Мокриц был очень тверд в этом вопросе. Он даже никуда не вламывался, если можно было обойтись. Покажется подозрительным, если тебя застукают в час ночи в банковском хранилище в черном костюме с кучей маленьких кармашков, так зачем рисковать? Распланировать все как следует, показать нужные документы, правильно одеться и, самое главное, правильно держаться — и тебя впустят туда среди белого дня, а управляющий еще и дверь придержит, когда ты будешь выходить. Сбывать кольца и использовать тупую сельскую жадность приходилось, просто чтобы не заржаветь.

Все дело заключалось в лице. У Мокрица было честное лицо. И он ничего не имел против тех, кто внимательно всматривался в его глаза, стараясь разглядеть его внутреннее «я», потому что у него было хоть отбавляй внутренних «я», на все случаи жизни. Что до крепких рукопожатий, за годы тренировок он выработал себе такое, что можно было лодки швартовать. Обычные навыки общения. Особые навыки общения. Прежде чем продавать людям стекляшки под видом бриллиантов, нужно устроить так, чтобы они захотели увидеть бриллианты. Вот в чем трюк, самый главный трюк. Ты заставляешь людей иначе взглянуть на мир. Помогаешь им увидеть его таким, каким они хотят его видеть...

Откуда, черт возьми, Витинари прознал его имя? Он раскусил фон Аипвига как орешек! А Стража здесь... суищие дьяволы. И кто направляет голема на живого человека?..

– Я был клерком, – ответил Мокриц.

– С бумагами, что ли, работали? – спросил Грош, внимательно глядя на него.

– Да, сплошная бумажная работа.

Что было честным ответом, если считать карты, чеки, рекомендательные письма, банковские бланки и купчие.

– Эх, еще один, – сказал Грош. – Что ж, делать тут особо нечего, мы можем потесниться и освободить вам место, нам не в тягость.

– Но мне поручено наладить работу почты, как раньше, господин Грош.

– Ну да, ну да, – ответил старик. – Тогда ступайте за мной, господин фон Липвиг. Сдается мне, не все вам о нас рассказывали.

Грош повел его обратно в запустелый холл, оставляя за собой дорожку желтоватого порошка, сыплющегося из обуви.

– Мой папаша приводил меня сюда, когда я был еще совсем мальцом, – рассказывал он. – Тогда на почте работали целыми династиями. На потолке висели такие большие стеклянные штуки капельками, позвякивали так и горели. Знаете, да?

– Люстры? – предположил Мокриц.

– Может быть, – согласился Грош. – Две штуки. И везде были латунь и медь, начищенные, и горели как золото. А еще, сэр, были балконы, вокруг всего центрального холла, на всех этажах, из железа, узорчатые как кружево! А все прилавки были из редкого дерева, как отец сказывал. А людей-то! Тьма! Двери хлопали без конца. Даже по ночам... о, сэр, по ночам на заднем дворе, вам бы там побывать! Огоньки! Почтовые кареты приезжали, уезжали, лошади в мыле... вы бы только видели, сэр! Кто-нибудь отдавал распоряжения почтальонам... было у них такое устройство, сэр, что можно было впустить и выпустить карету со двора за минуту, сэр, *за минуту*! Беготня, сэр, кругом беготня и гомон! Говорят, можно было прийти на почту из Сестричек Долли или аж из самых Теней, отправить письмо самому себе, и пришлось бы бежать во весь опор, сэр, просто сломя голову, чтобы опередить почтальона! А униформа, сэр, темно-синяя и с медными пуговицами, ох, вы бы только видели! А...

Мокриц посмотрел неугомонному старику за плечо, на ближайшую гору птичьего помета, где застыл начавший было копать Помпа. Голем потыкал лопатой в смердящую громадину, потом выпрямился и, держа что-то в руках, направился к Мокрицу.

– ...а когда приезжали большие кареты, сэр, из самых гор, их гудки были слышны за мили отсюда! Вы бы только *слышали*, сэр! А если им попадались разбойники, на почте были специальные люди, они шли и...

– Да, господин Помпа? – сказал Мокриц, оборвав воспоминания Гроша.

– Любопытное Открытие, Почтмейстер. Я Ошибался. Горы На Самом Деле Состоят Вовсе Не Из Голубиноного Помета. Голуби Не Наложили Бы Столько И За Тысячу Лет, Господин Вон Липвиг.

– Из чего же тогда?

– Из Писем, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

Мокриц перевел взгляд на Гроша, который неловко поежился.

– Ах да, – сказал он. – Я как раз собирался вам рассказать.

Письма...

...им не было конца и края. Они переполняли все помещения Почтамта и лезли во все коридоры. Кабинет почтмейстера действительно был непригоден к использованию из-за состояния полов: они утопали в двенадцатифутовой толще писем. Они перекрывали целые коридоры. Ими были до отказа набиты шкафы. Стоило неосторожно открыть дверь – и ты мог быть погребен под лавиной желтеющих конвертов. Половицы подозрительно прогибались. Сквозь трещины в оседающих гипсовых потолках торчали бумажные углы.

В сортировочном отделении, которое было немногим меньше центрального холла, образовались дюны, местами достигавшие двадцати футов. То там, то сям айсбергами посреди бумажного моря торчали картотечные шкафы.

После получасового осмотра Мокрицу требовалось принять ванну. Он как будто прошелся по заброшенному склепу. Он задыхался от запаха старой бумаги, горло саднило от желтой пыли.

– Мне сказали, здесь у меня будет квартира, – просипел он.

– Да, сэр. Мы со Стэнли ходили вчера ее искать. Я слышал, будто она рядом с вашим кабинетом. Малец рвался туда что есть сил, сэр. Дверь-то он нащупал, да только увяз в письмах футов на шесть, и мучился, сэр, как он *мучился*... Вот я его и вытащил.

– Здесь *все* завалено недоставленной почтой?

Они вернулись в гардеробную. Грош долил в черный чайник воды из кастрюли – тот как раз закипал. В дальнем углу комнаты за своим прибранным столиком сидел Стэнли и перебирал булавки.

– Почти что так, сэр, за вычетом подвала да конюшен, – ответил старик, споласкивая две жестяные кружки в тазу с водой сомнительной чистоты.

– То есть даже кабинет почтм... *мой* кабинет забит старыми письмами, но в подвале пусто? Где тут логика?

– О, нельзя же бросать их в подвал, сэр, только не туда, – возмутился Грош. – Там же такая сырость, письма испортятся в два счета.

– Испортятся, – бесцветно повторил Мокриц.

– Ничто так не портит вещи, как сырость, сэр, – добавил

Грош и деловито кивнул.

– Испортятся. Письма от мертвецов к мертвецам, – повторил Мокриц все тем же бесцветным тоном.

– Это только наши с вами догадки, сэр, – возразил старик. – У нас же нет *доказательств*.

– Действительно. Конечно, ведь этим конвертам всего-то сто лет! – сказал Мокриц. От пыли болела голова, а от сухости саднило горло, и что-то в этом старичке действовало на его расшатавшиеся нервы. Чего-то Грош недоговаривал. – Для *некоторых* это никакой не срок! Зомби и вампиры небось до сих пор не отходят от почтового ящика в ожидании писем!

– Не нужно горячиться, сэр, – сказал Грош примирительно. – Не нужно горячиться. Письма нельзя *уничтожить*. Просто нельзя, сэр, и все тут. Это же Препятствование Работе Почты, сэр. Не просто преступление, сэр. Это, это...

– Грех? – подсказал Мокриц.

– *Хуже*, чем грех, – ответил Грош почти с ехидством. – За грехи отвечаешь только перед богами, а за нарушения на почте в мои дни приходилось отвечать перед самым старшим почтовым инспектором Ропотамом. Во! А это *большая* разница! Боги-то *прощают*.

Мокриц взгляделся в морщинистое лицо старика в поисках здравого смысла. В его лохматой бороде встречались посторонние вкрапления – то ли грязь, то ли чай, то ли шальной каприз природы. Грош *похож на отшельника*, решил он.

Только отшельнику взбрело бы в голову напаялить такой парик.

– Минуточку, – сказал Мокриц. – То есть, по-твоему, запихнуть чужое письмо под половицу и оставить его там на сто лет – это не препятствование работе почты?

Грош вдруг принял глубоко несчастный вид. Борода его задрожала. Потом он зашелся кашлем, сухим, жестким, трескучим, порывистым кашлем, от которого задрожали склянки, а от его штанин взвилось облачко желтой пыли.

– Извиняйте, сэр, – просипел Грош между приступами и извлек из кармана поцарапанную и помятую жестянку.

– Пососете, сэр? – спросил он сквозь слезы, текущие по щекам, и протянул Мокрицу коробочку. – Это «троечки», сэр. Мягчайшие. Моего собственного изготовления. Натуральное средство из натуральных продуктов, таков мой метод, сэр. Надо прочищать бронхи, а не то они зададут тебе жару.

Мокриц вынул из жестянки большую фиолетовую таблетку и принялся. Слегка отдавало анисом.

– Спасибо, господин Грош, – поблагодарил он, но на тот случай, если это могло быть сочтено взяткой, добавил уже строже: – Вернемся к разговору о почте. Засовывать неотправленные письма, куда боги на душу положат, это не препятствие почте?

– Это скорее...*задержка*, сэр. Отставание по графику. Незначительное. У нас же нет *намерения* так никогда ничего

и не доставить.

Мокриц уставился на взволнованного Гроша. Он испытал то чувство уходящей из-под ног почвы, когда понимаешь, что имеешь дело с человеком, чей мир совпадает с твоим лишь по касательной. *Не отшельник*, подумал он, *скорее по терпеливый бедствие моряк, обосновавшийся в этом здании как на необитаемом острове, пока мир за стенами живет своей жизнью, а здравый смысл испаряется.*

– Господин Грош, мне ни в коем случае не хочется тебя расстраивать, но там сейчас тысячи писем, погребенных под толстым слоем птичьего помета... – медленно произнес он.

– Тут, сэр, дела не так плохи, как кажутся, – сказал Грош и прервался, чтобы сочно причмокнуть таблеткой собственного изготовления. – Голубиный помет – исключительно сухая штука, сэр, от него конверты покрываются крепкой защитной коркой...

– Почему они *здесь*, господин Грош? – спросил Мокриц. Он напомнил себе о навыках общения. Нельзя трясти людей за плечи.

Младший почтальон опустил глаза.

– Ну, вы же знаете, как оно бывает... – начал он.

– Нет, господин Грош, понятия не имею.

– Положим, у человека дел не впрокорот, положим, в Страшдество, полным-полно открыток, да, и инспектор стоит над душой и дергает, потому что время, время, время, ну, положим, он и запихнул полмешка писем под стол... но он

их потом разошлет, обязательно. Он же не виноват, что письма так и валят, сэр, *валят* без остановки. Потом наступает завтра, и приходит писем еще больше прежнего, потому что они все *валят*, и он думает, ну, сброшу сегодня еще парочку, раз уж у меня выходной в четверг, вот тогда-то и наверстаю, но оказывается, что к четвергу он отстает уже больше чем на день, потому что они валом *валят*, а он так устал, устал как собака, и он говорит себе, что скоро отпуск, но настает отпуск – ну, к тому моменту картина получается очень некрасивая. Случались... недоразумения. Мы слишком много на себя взяли, сэр, вот в чем дело, мы слишком старались. Иногда, когда вещь разбивается на мелкие кусочки, лучше так все и оставить, чем пытаться собрать осколки. Я в том смысле, что... с чего начинать-то?

– Я понял общую картину, – сказал Мокриц. *Ты врешь, господин Грош. Чего-то недоговариваешь. Умалчиваешь о чем-то важном, да? Ложь для меня целое искусство, господин Грош, а ты лишь небесталанный любитель.*

Грош, не ведая об этой внутренней тираде, выдавил улыбку.

– Но проблема в том... как тебя зовут, господин Грош? – спросил Мокриц.

– Толливер, сэр.

– Замечательное имя... проблема в том, Толливер, что картина, которую ты обрисовал, лишь – развивая выбранную метафору – *миниатюра*, тогда как *это все*, – Мокриц взмах-

нул рукой, обозначив жестом здание и его содержимое, – монументальный триптих, живописующий исторические сюжеты, сотворение мира и низвержение богов. К нему также прилагаются соборная потолочная фреска, изображающая великолепие тверди небесной, и эскиз барышни с непонятной улыбкой в придачу! Толливер, сдается мне, ты недостаточно откровенен со мной.

– Прошу меня извинить, сэр, – ответил Грош, поглядывая на него с каким-то нервным вызовом.

– Я бы мог тебя и уволить, – сказал Мокриц, понимая, что делать этого не следует.

– Могли бы, сэр, отчего бы и не мочь, – ответил Грош тихо и неторопливо. – Но, кроме нас с вами да мальчонки, никого здесь нет. А вы ничегошеньки не знаете о Почтамте, сэр. И вы ничегошеньки не знаете об Уставе. Кроме меня никто не знает, что и как нужно делать. Вам и пяти минут одному не продержаться, сэр. Вы бы даже о чернильницах не позаботились, а их нужно каждый день наполнять!

– Чернильницы? Наполнять чернильницы? – переспросил Мокриц. – Это же развалины, здесь полно... полно... мертвой бумаги! У нас нет *клиентов*.

– Чернильницы всегда должны быть наполнены, сэр. Так сказано в Уставе Почтамта. Устав – прежде всего, сэр, – сообщил Грош решительно.

– Но зачем? Судя по всему, мы не получаем почту и не отправляем ее! Мы тут просто отсиживаемся!

– Нет, сэр, мы не просто отсиживаемся, – терпеливо объяснял Грош. – Мы соблюдаем Устав. Заполняем чернильницы, полируем медь...

– Но не убираете птичий помет!

– Понимаете, какая штука, сэр, об этом в Уставе ни слова, – сказал старик. – А по правде сказать, никому мы больше не нужны. Сейчас повсюду сплошные клики, треклятые клики: клик, клик, клик. Повсюду клик-башни, сэр. Они на пике популярности. Говорят, они быстрее скорости света. Ха! Бессердечные, бездушные машины. Ненавижу... Но мы ко всему готовы, сэр. Приди к нам какое письмо, мы бы его пристроили. Мы бы ринулись в бой, сэр, *ринулись* бы, говорю, в бой. Но писем-то нет.

– Откуда же им взяться! В городе все давно успели усвоить, что чем нести свои письма на Почтамт, их можно с тем же успехом выкинуть вовсе!

– Нет, сэр, опять вы ошибаетесь. Мы ничего не выбрасываем. Мы все оставляем так, как есть, сэр, вот что мы делаем. Стараемся *ненарушать* здесь ничего, – тихо добавил Грош. – *Ничего* не нарушать.

Мокриц обратил внимание на его тон.

– Что именно – «ничего»? – поинтересовался он.

– А, пустяки, сэр. Мы просто... ведем себя осторожно.

Мокриц обвел комнату взглядом. Здесь что, стало теснее? А тени – длиннее и темнее? Повеяло холодком?

Нет, ничего такого. А ведь вполне могло бы. Волоски на

шее Мокрица встали дыбом. Он где-то слышал, это бывает потому, что человек произошел от обезьяны, и значит, что позади находится тигр.

На деле же позади находился господин Помпа, и глаза его горели ярче, чем у любого тигра. Он был даже хуже: тигры не будут преследовать жертву по морям, и им нужно спать.

Мокриц сдался. Господин Грош пребывал в своем собственном странном заплесневелом мирке.

– И ты называешь это жизнью? – спросил он.

Впервые за весь разговор Грош посмотрел Мокрицу прямо в глаза.

– Куда лучше смерти, сэр, – ответил он.

Господин Помпа прошел за Мокрицем по центральному залу, вышел с ним на улицу, и тогда Мокриц не выдержал и развернулся.

– Так, все, какие у тебя правила? – требовательно спросил он. – Ты собираешься *повсюду* ходить за мной по пятам? Ты же знаешь, что мне не сбежать.

– Тебе Позволен Свобода Передвижений В Черте Города И Его Окрестностях, – прогремел голем. – Но Пока Ты Не Обустроишься, Мне Велено Сопровождать Тебя В Целях Твоей Же Безопасности.

– Безопасности? Вдруг кто-то сильно рассердится из-за того, что письмо его прадеда задержалось на почте?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг.

– Мне нужно подышать. Что здесь происходит? Почему там так... жутко? Что случилось с Почтамтом?

– Не Могу Знать, Господин Вон Липвиг, – повторил Помпа невозмутимо.

– Как это? Это жетвой город, – сказал Мокриц с насмешкой. – Ты что, последние сто лет под землей провел?

– Нет, Господин Вон Липвиг.

– Так почему...

– Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг, – продолжил голем.

– Что двести сорок лет?

– Столько Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг.

– О чем ты? – не понял Мокриц.

– О Времени, Которое Я Провел Под Землей, Господин Вон Липвиг, О Чем Же Еще. Помпа – Это Не Имя. Это Описание. Помпа Девятнадцать, Если Быть Точным. Я Стоял На Дне Стофутowego Колодца И Качал Воду. Двести Сорок Лет, Господин Вон Липвиг. Теперь Я Передвигаюсь И Вижу Солнце. Это Куда Лучше, Господин Вон Липвиг, Куда Лучше!

Ночью Мокриц лежал и смотрел в потолок. Который был в трех футах от него. Немного поодаль с потолка свисала свеча в противопожарной лампе. Стэнли запретил ему пользоваться свечами без ламп, и правильно сделал: все здание могло вспыхнуть как спичка. Сюда Мокрица проводил сам Стэнли

– Грош остался где-то дуться. Он был прав, черт его дери. Без Гроша он пропадет – Грош фактически *был* самым Почтамтом.

День выдался нелегкий, да и прошлой ночью, вверх тор-машками за плечом Помпы, под лягание ошалевшей лошади выспаться толком не удалось.

Небеса свидетели, спать здесь ему совсем не хотелось, но других мест для ночлега на примете у Мокрица не было, да и гостиницы в этом кишашем людьми городе драли втридорога. Гардеробная была исключена – категорически, без возражений. Так что он попросту вскарабкался на груды мертвых писем в предположительно своем кабинете. Ничего страшного. Предприимчивый человек вроде него умеет спать в любых условиях, нередко и тогда, когда целая толпа народу ищет его за стеной. Гора писем хотя бы была сухой и теплой и не грозила холодным оружием.

Бумага под ним зашуршала, когда Мокриц попытался устроиться поудобнее. Он лениво вытащил наугад конверт. Он был адресован некоему Антимонию Паркеру, проживавшему в доме № 1 по Лоббистской улице, и на обороте большими буквами было выведено «З.Л.П.». Ногтем Мокриц вскрыл конверт. Бумага внутри чуть не рассыпалась от прикосновения.

Мой Драгоценный Тимони!

*Да! К чему Женищине, когда она Прекрасно
Понимает, какую Честь Оказывает ей Мужщина,*

играть Кокетку в такую минуту! Мне известно, что Ты говорил с Папенькой, и разумеется, Я даю свое согласие стать Супругой Добрейшего, Замеча...

Мокриц взглянул на дату под письмом. Оно было написано сорок один год назад.

Он не любил разглагольствований и считал их помехой в своей сфере деятельности, но сейчас невольно задался вопросом: вышла ли в итоге – он перевел взгляд на письмо – «Твоя любящая Агнатея» за Антимония или же их роман почил с миром прямо здесь, на этом бумажном кладбище.

Мокриц содрогнулся и засунул письмо в карман сюртука. Нужно будет поинтересоваться у Гроша, что означает это «З.Л.П.».

– Господин Помпа! – крикнул он.

Из угла комнаты, где по пояс в письмах стоял голем, донесся раскатистый голос:

– Да, Господин Вон Липвиг?

– Можно тебя попросить как-нибудь закрыть глаза? Я не могу уснуть, когда на меня смотрят два горящих красных глаза. Это у меня с детства.

– Прости, Господин Вон Липвиг. Я Могу Повернуться Спиной.

– Ничего не выйдет. Я же буду знать, что они открыты. Да и свет будет отражаться от стены. Слушай, ну куда я отсюда денусь?

Голем обдумал его слова.

– Я Выйду В Коридор, Господин Вон Липвиг, – решил он и с этими словами начал пробираться к двери.

– Хорошо, – согласился Мокриц. – А с утра расчисть мне место, ладно? В некоторых кабинетах еще осталось немного пространства под потолком, можно распихать письма туда.

– Господину Грошу Не Нравится, Когда Письма Перекладывают, – прогрохотал голем.

– Почтмейстер здесь не господин Грош, а я.

О боги, до чего заразительно безумие, подумал Мокриц, когда красное мерцание глаз голема растворилось во мраке за дверью. Я не почтмейстер, я жалкий пройдоха, который пал жертвой дурацкого... эксперимента. Что за место! Что за положение! Кто вообще мог поставить известного преступника во главе важной правительственной службы? Кроме разве что обычного избирателя.

Он пытался найти подход, придумать выход... но всякий раз в голове всплывал и прокручивался их разговор.

Вообрази колодец, полный воды, в сто футов глубиной.

Вообрази мрак. Вообрази на дне этого колодца, в густой его черноте, фигуру примерно человеческих очертаний, каждые восемь секунд качающую тяжелый насос.

Пом... Пом... Пом...

Двести сорок лет.

– И ты не возражал? – спросил Мокриц.

– Ты Спрашиваешь, Не Затаил Ли Я Недовольства? Но Я Же Выполнял Полезное И Нужное Дело! К Тому Же Мне

Было О Чем Подумать.

—На дне стофутowego колодца с грязной водой? О чем там думать?

—О Водокачке, Господин Вон Липвиг.

А потом, рассказал голем, все остановилось, загорелся тусклый свет, опустились рычаги, загремели цепи, его подняли наверх, окунули в мир света и цвета... и других големов.

Мокрицкое-что знал о големах. Их выпекали из глины тысячи лет тому назад и пробуждали к жизни, закладывая им в головы какие-то свитки. Големы никогда не ломались и работали беспрерывно. Кто-то мел улицы, кто-то занимался тяжелым трудом на лесопилках и в литейных цехах. Большинство из них не попадались людям на глаза: они приводили в движение скрытые шестеренки города – в темноте, под землей. Тем-то интерес к големам и ограничивался. Они были практически по определению честными созданиями.

Но теперь големы получали свободу. Это была самая тихая и социально ответственная революция в истории. Они были рабами, поэтому они копили деньги – и *выкупали* сами себя.

Господин Помпа покупал свою свободу ценой сурового ограничения свободы Мокрица. Вполне себе повод для огорчения. Уж конечно, свобода должна работать несколько иначе!

Но боги, думал Мокриц, возвращаясь к настоящему мо-

менту, понятно, почему Грош беспрестанно грызет свои конфеты от кашля – от здешней пыли недолго и задохнуться!

Он пошарил в карманах и вытащил ромбовидный леденец, который получил от старика. Выглядела конфета вполне безобидно.

Минутой позже, когда Помпа ворвался в комнату и сильно хлопнул Мокрица по спине, дымящийся леденец выскочил и прилип к стене напротив, где к утру разъел изрядное количество штукатурки.

Грош отмерил ложку перечно-ревенной настойки для бронхов и нащупал отсохшую бородавку, которая болталась у него на шее, чтобы отвадить внезапное нашествие докторов. Всем известно, что от них одни болезни. Природные снадобья – вот ответ на любые беды, а не какие-то дьявольские микстуры, невесть из чего сготовленные.

Он смачно причмокнул губами. Этим вечером он как раз положил в носки свежую серу и прямо чувствовал, как та идет ему на пользу.

В бархатистом полном бумаги мраке сортировочного отделения мерцали две свечи в лампах. Свет проходил через наружное стекло, наполненное водой, чтобы свеча погасла, если лампа вдруг разобьется. От этого лампы смахивали на фонарики какой-нибудь глубоководной твари из стальной илистой пучины.

Из темноты донеслось слабое бульканье. Грош закупорил пузырек с эликсиром и приступил к делу.

– Чернильницы все наполнены, ученик почтальона Стэнли? – нараспев произнес он.

– Так точно, младший почтальон Грош! Ровно на треть дюйма от горлышка, как предписано в Уставе Работников Почтамта, в главе Заведования Хозяйством, параграф С-18, – отрапортовал Стэнли.

Грош зашелестел страницами огромного фолианта, во-
друженного на пюпитр.

– Можно посмотреть картинку, господин Грош? – попросил Стэнли с благоговением.

Грош улыбнулся. Это было частью их ритуала, и он дал юноше свой обычный ответ.

– Так и быть, но это в последний раз. Ни к чему зазря смотреть на лик божий, – сказал он. – И на другие части тела.

– Но, господин Грош, ты же говорил, что в холле раньше стояла его статуя, вся из золота. Люди, наверное, постоянно на нее смотрели.

Грош замялся. Но Стэнли был растущим юношей. Рано или поздно придется все ему рассказать.

– По правде сказать, не припомню, чтобы люди обращали особое внимание на его лик, – сказал он. – Они все больше заглядывались на... крылья.

– На фуражке и туфлях, – подхватил Стэнли. – Чтобы лететь на них и рассылать почту со скоростью... почты.

Капелька пота скатилась со лба Гроша.

– На фуражке и туфлях, да, и там тоже, – ответил он. – Но... *не только* там.

Стэнли пригляделся к рисунку повнимательнее.

– Ах да. Не замечал раньше. У него крылышки на...

– На фиговом листе, – быстро перебил Грош. – Так мы это называли.

– Но зачем ему тут лист?

– О, в старину все такие носили, потому что это был классицизм, – ответил Грош с облегчением, радуясь, что разговор ушел в сторону от каверзной сути. – Это фиговый лист. С фигового дерева.

– Ха-ха, вот дураки-то, откуда же у нас фиговые деревья! – воскликнул Стэнли, словно обнаружил прореху в давно устоявшейся догме.

– Верно подмечено, юноша, но лист все равно был из железа, – терпеливо ответил Грош.

– А крылья? – спросил юноша.

– Ну-у, вероятно, тогда думали: чем больше крыльев, тем лучше, – ответил Грош.

– Да, но если крылья на фуражке и на туфлях перестанут работать, удержат ли его...

– Стэнли! Это всего лишь статуя! Не перевозбуждайся! Успокойся! Ты же не хочешь огорчать... *их*.

Стэнли свесил голову.

– Они снова шептали мне что-то, господин Грош, – со-

знался Стэнли тихим голосом.

– Да, Стэнли. Мне тоже.

– Я помню, как это было в прошлый раз, господин Грош. Они разговаривали ночью, – произнес Стэнли дрожащим голосом. – Я зажмурился, но строчки так и стояли передо мной...

– Да, Стэнли. Не переживай. Постарайся не думать об этом. Это все господин фон Липвиг виноват, он разворошил их. Я говорю: оставьте вы их в покое. Но кто меня слушает? Никто – и вот результат. Все узнают на собственном горьком опыте.

Стэнли начало потряхивать.

– Кажется, только вчера караульные белым мелом обводили господина Тихабля. Вот кто узнал на своем опыте!

– Ну-ну, успокойся, – Грош легонько похлопал его по плечу. – Ты их вспугнешь. Думай о булавах.

– Но какая несправедливость, господин Грош, что они так быстро погибают и не успевают повесить тебя до старшего почтальона!

Грош шмыгнул носом, лицо его стало мрачнее тучи.

– Ну все, довольно, Стэнли. Это не имеет значения.

– Но господин Грош, ты уже очень, очень старый, – настаивал Стэнли, – а все еще младший почта...

– Я сказал, *довольно*, Стэнли. Теперь, будь добр, поднеси лампу поближе... так-то лучше. Зачитаю страничку Устава, они от этого всегда притихают. – Грош прочистил горло. –

Сейчас я зачитаю Устав, главу «Правила Доставки» (Столица) (Воскресенья и осьмицы – выходные дни), – объявил он в пространство, – которая гласит: «Все доставляемые письма должны быть доставлены по домам адресатов в черте города Анк-Морпорк в указанные часы: ночная доставка до восьми часов пополудни, первая смена. Утренняя доставка до восьми часов утра, вторая смена. Утренняя доставка до десяти часов утра, третья смена. Утренняя доставка до полудня, четвертая смена. Дневная доставка до двух часов, пятая смена. Дневная доставка до четырех часов, шестая смена. Вечерняя доставка до шести часов, седьмая смена». Таковы часы доставки, и я их огласил. – Грош на секунду склонил голову, а потом захлопнул фолиант.

– Зачем мы это делаем, господин Грош? – робко спросил Стэнли.

– Все из-за претенциозности, – ответил Грош. – Вот в чем все дело. Про-танцы-возность сгубила Почтамт. Про-танцы-возность, и жадность, и Чертов Тупица Джонсон, и Полный Пи.

– Полный Пи, господин Грош? Но что это...

– Не спрашивай, Стэнли. Там все очень сложно и нет ни слова о булавках.

Они потушили свечи и удалились.

Как только они ушли, послышался слабый шепот.

Глава третья

Своими силами – и никак иначе

В которой наш герой окунается в мир булавок – Зеленщик & амперсанды – З.Л.П. – Навстречу судьбе – Девушка и ее големы – Бизнес как бизнес и очередное обсуждение сути свободы – Клерк Брайан старается

– Пора Вставать, Господин Вон Липвиг. Труба Зовет. Начинается Новый День На Должности Почтмейстера.

Мокриц разлепил одно веко и зыркнул на голема.

– Ты что же, еще и мой личный будильник? – спросил он. – А-а-ах! Мой язык! Как будто мышеловкой прижало.

То ползком, то кубарем Мокриц выбрался со своего ложа на толще конвертов и смог встать на ноги только у самых дверей комнаты.

– Мне нужна новая одежда, – сообщил он. – И еда. И зубная щетка. Так что я пойду на улицу, господин Помпа. А ты оставайся здесь. Займись чем-нибудь. Приберись. Сотри наскальную живопись со стен. Пусть здесь хотя бы на вид станет почище.

– Как Прикажешь, Господин Вон Липвиг.

– То-то же! – ответил Мокриц и зашагал прочь – точнее, сделал ровно один шаг и вскрикнул от боли в ноге.

– Осторожнее, Господин Вон Липвиг, – сказал Помпа.

– И вот еще что, – сказал Мокриц, прыгая на одной ноге. –

Откуда ты знаешь, где меня искать? Как ты меня выслеживаешь?

– По Кармическому Следу, Господин Вон Липвиг, – ответил голем.

– Это еще что значит? – не унимался Мокриц.

– Это Значит, Что Я Всегда Точно Знаю, Где Ты Находишься.

Глиняное лицо не выражало эмоций. Мокриц сдался.

Прихрамывая, он вышел на улицу навстречу тому, что в этом городе вполне могло сойти за свежее утро. За ночь подморозило, и воздух был слегка кусачим, отчего у Мокрица разыгрался аппетит. Нога еще болела, но терпимо, и уже можно было обойтись без костыля.

Мокриц фон Липвиг шел по городу. Неслыханное дело. Покойный Альберт Стеклярс мог себе это позволить, а также Мунд Смит, и Эдвин Донитки, и еще полдюжины личин Мокрица (ох уж это имечко, каких только шуток он о нем не слышал), которые он сам придумывал и сам же от них избавлялся. Да, за каждым из них стоял Мокриц, но снаружи всегда были *они*, пряча его ото всех.

Эдвин Донитки был его шедевром. Неуверенный в себе жулик, который из кожи вон лез, чтобы на него обратили внимание. До того явно и безнадежно плохо пытался он мошенничать при игре в наперстки и прочих уличных трюках, что люди выстраивались в очередь, чтобы надуть неуклюжего жулика, и покидали его с улыбкой на устах... которая

сползала с их лиц, когда они пытались потратить с такой легкостью доставшиеся монеты.

У искусства подлога есть свой секрет, и Мокрицу он был знаком: в спешке или от переизбытка чувств чужое воображение доделает вашу работу за вас. Люди так захотят облапошить этакого простофилю, что *их собственное зрение* самодорисует все нюансы, которые даже не проработаны на вождельенных монетах. От вас требуется лишь... намекнуть.

Но и это были цветочки. Некоторым вовсе не суждено было узнать, что они прятали в кошелек фальшивые монеты, потому что так они подсказывали бестолковому Донитки, в каком кармане его держали. Позже они обнаруживали, что, хоть Донитки и не умел обращаться с колодой карт, этот недочет с лихвой искупало его мастерство карманника.

Теперь же Мокриц чувствовал себя очищенной криветкой. Словно он вышел на улицу голым. Но никто так и не обращал внимания. Никто не окликал его: «Эй, ты!», никто не кричал: «Вот же он!» Он был просто человеком в толпе. Странное, непривычное ощущение. Никогда прежде ему не приходилось быть самим собой.

Он отпраздновал это покупкой карты города в Гильдии Купцов, съел сэндвич с беконом и запил его кофе, жирным пальцем водя по списку городских кабаков. Там Мокриц не нашел того, что искал, зато нашел это в списке парикмахерских и довольно улыбнулся. Он любил оказываться прав.

Заодно он нашел адрес «Булавочной биржи Дэйва»

в Сестричках Долли, в переулке между домом терпимости и массажным салоном. Там скупали и продавали булавки ценителям.

Мокриц допил кофе с тем выражением лица, по которому люди, хорошо его знавшие – каковых, честно говоря, не существовало в природе, – распознали бы, что он что-то замышляет. Люди... в конечном счете, все всегда сводится к людям. И раз уж ему предстояло здесь задержаться на время, стоило устроиться с комфортом.

Мокриц отправился к самопровозглашенной «Обители акуфилиста!!!!!».

Как будто он приподнял неприметный булыжник и обнаружил вход в совершенно иной мир. «Булавочная биржа Дэйва» была из числа тех магазинчиков, где владелец знает всех покупателей по имени. О, этот дивный мир – мир булавок, увлечение длиною в жизнь. Об этом Мокриц узнал, купив за доллар «Булавки» Джея Волосатика Олсбери – якобы исчерпывающий материал на тему. Мокриц ничего не имел против всяких безобидных чудачеств, но среди людей, которые при виде девушки в шляпке обратят внимание на шляпные булавки, ему было как-то не по себе. Покупатели прохаживались вдоль книжных полок («Зацепки», «Стрелки и дефекты», «Булавки Убервальда и Орлеи», «Булавки для новичков», «Забавы акуфилиста») и жадно глазели на ряды булавок, разложенные под стеклом, иногда с такими серьезными выражениями лиц, что Мокрицу было страшно. Они

все чем-то напоминали Стэнли. И все были мужчинами. Видимо, женщины и булавки были несовместимы.

Он нашел «Все Булавки» в самом нижнем ряду. Смазанный текст свидетельствовал о домашней печати, мелкие буквы тесно жались друг к другу, недосчитываясь таких мелочей, как абзацы, а в большинстве случаев и пунктуации – запятые видели выражение лица Стэнли и решали лишний раз его не беспокоить.

Мокриц положил тонкий журнальчик на прилавок, и продавец – косматый бородатый здоровяк с булавкой в носу и пивным животом, которого хватило бы на троих, с татуировкой «Булавки или Смерть» на предплечье – подобрал журнал и презрительно бросил обратно.

– Может, что-нибудь другое, господин? У нас тут «Ежемесячные булавки», «Булавочные новинки», «Практические булавки», «Современные булавки», «Булавки Экстра», «Булавки Интернешнл», «Говорящие булавки», «Мир булавок», «Булавочный мир», «Булавки и мир», «Булавки и булавочники»... – Мокриц ненадолго отключился, но вовремя встрепенулся, – «Дайджест акуфилиста», «Экстремальные булавки», «*Штифте!*» – это убервальдский, очень полезная вещь, если собирать иностранные булавки, – «Булавки для начинающих» – а это журнал-коллекционер, новая булавка в каждом номере, – «Время булавок» и, – здоровяк подмигнул, – «Булавки красных фонарей».

– Этот я видел, – сказал Мокриц. – Там в основном ико-

нографии молоденьких женщин в кожаных нарядах.

– Это да. Но все они демонстрируют булавки... почти все. Ну что, тебе точно «Все булавки»? – уточнил он, словно желая дать дураку последний шанс одуматься.

– Да, – ответил Мокриц. – А что с ним не так?

– Да все так, – Дэйв задумчиво почесал брюхо. – Просто их издатель чутка... того...

– Чутка чего? – спросил Мокриц.

– Ну, в общем, нам кажется, он чутка повернут на булавках.

Мокриц посмотрел по сторонам.

– Неужели? – удивился он.

Мокриц зашел в кафе поблизости и принялся листать журнал. В прежней жизни он хорошо поднаторел в том, чтобы запоминать о любом предмете ровно столько, чтобы казаться сведущим в вопросе человеком – по крайней мере, людям несведущим. Закончив, он вернулся в магазин.

У всех были свои кнопочки. Для многих это была жадность. Старая добрая жадность служила Мокрицу верой и правдой. Для других – гордыня. Например, для Гроша. Он отчаянно грезил о повышении, это у него на лбу было написано. Найди кнопочку – и все пойдет как по маслу.

Что же до Стэнли... с ним будет просто.

Когда Мокриц вошел, здоровяк Дэйв рассматривал под лупой булавку. Час пик булавочной торговли, видимо, подошел к концу, поскольку магазинчик почти опустел, и лишь

несколько бездельников продолжали околачиваться около витрин с булавками и полок с журналами.

Мокриц проскользнул к прилавку и откашлялся.

– Слушаю, господин? – здоровяк Дэйв оторвался от своей работы. – А, снова ты? Запало в душу, да? Приглянулось что?

– Пачку перфорированной бумаги для булавок и пакет карамелек за десять пенсов, – громко объявил Мокриц. Остальные посетители на мгновение повернули головы в его сторону, пока Дэйв снимал товары с витрины, и тут же отвернулись обратно.

Мокриц перегнулся через прилавок.

– Хотелось бы узнать, – зашептал он, – нет ли у тебя здесь чего-нибудь... поострее?

Здоровяк посмотрел на него настороженно.

– В каком смысле поострее? – спросил он.

– В этом самом, – ответил Мокриц. Он прочистил горло. – Чего-нибудь... колючего.

Звякнул колокольчик, когда последний посетитель, нагладевшись на булавки, покинул магазин. Дэйв проводил его взглядом и сосредоточил внимание на Мокрице.

– А ты, я погляжу, эксперт, да? – сказал он и подмигнул.

– Прилежный ученик, – ответил Мокриц. – Все, что я вижу на витрине, оно...

– Никаких гвоздей! – отрезал Дэйв. – Им не место в моем магазине! Не дам порочить свое доброе имя! Сюда же дети

ходят!

– О, нет! Я исключительно по булавкам, – торопливо заверил Мокриц.

– Вот и славно, – сказал Дэйв и расслабился. – Как нарочно, есть у меня пара вещей, достойных истинного коллекционера. – Он кивнул на занавески из бус, отгораживающие внутреннюю часть магазина. – Не всякий товар можно выставлять всем на обозрение – такая молодежь пошла, сам понимаешь...

Мокриц направился с ним за шуршащую штору и очутился в тесной комнатенке, где Дэйв подозрительно огляделся по сторонам и только после этого снял с полки маленький черный ящичек и приоткрыл его прямо под носом у Мокрица.

– Такое не каждый день увидишь, верно? – сказал Дэйв.

О боги, да это же булавка, подумал Мокриц, но вслух сказал «Ого!» мастерски отработанным тоном искреннего изумления.

Несколько минут спустя он вышел на улицу, борясь с искушением отвернуть воротник сюртука. Вот чем было опасно подобное безумие. Оно могло обрушиться на тебя в любой момент. В конце концов, не он ли только что потратил семьдесят анк-морпоркских долларов на треклятую *булавку*?!

Мокриц уставился на маленькие свертки у себя в руках и тяжело вздохнул. Бережно спрятав их в карман сюртука, он

нащупал там что-то бумажное.

Ах да, письмо З.Л.П. Он уже хотел снова сунуть его поглубже в карман, как краем глаза заметил на другой стороне древний указатель с названием: Лоббистская улица. Мокриц окинул узкую улочку взглядом и на первой же лавке увидел вывеску:

**№ 1 А. ПАРКЕР & СЫН
ЗЕЛЕННАЯ
ПЕРВОКЛАССНЫЕ ФРУКТЫ & ОВОЩИ**

Почему бы не взять и не доставить письмо прямо сейчас? А что! Почтмейстер он или не почтмейстер? С него не убудет.

Он нырнул в лавку. Мужчина средних лет выдавал морковь и петрушку – или морковь & петрушку? – внушительных размеров даме с большой хозяйственной сумкой и волосатыми бородавками.

– Господин Антимоний Паркер? – деловито осведомился Мокриц.

– Одну минуту, господин, сейчас освобожусь & подойду, – начал он.

– Мне просто нужно знать, Антимоний ты Паркер или нет, – объяснил Мокриц. Женщина метнула на непрошеного гостя свирепый взгляд, и Мокриц одарил ее в ответ такой безупречной улыбкой, что она зарделась и на мгновение пожалела, что не сделала перед выходом макияж.

– Это мой отец, – сказал зеленщик. – Он сейчас во дворе

& сражается с упертым кочаном капусты.

– Тогда это ему, – сообщил Мокриц. – Почта, – он положил конверт на прилавок и в спешке покинул зеленую.

Продавец и покупательница уставились на розовый конверт.

– З.&Л.&П.? – не понял зеленщик.

– О, какие это навевает мне воспоминания, господин Паркер, – сказала женщина. – В пору моей юности так мы подписывали письма своим кавалерам. Запечатано любящим поцелуем. Правда же? Были З. Л.П., а еще Л.А.Н.К.Р. и, разумеется, – она хихикнула и перешла на шепот, – К.Л.А.Ц. Помнишь?

– Это все прошло мимо меня, госпожа Пышнотел, – процедил продавец, – & если это значит, что молодые люди посылают моему отцу розовые письма в поцелуях, то оно & к лучшему. Вот времена пошли, а? – Он отвернулся и повысил голос: – Отец!

Вот и сделал за сегодня одно доброе дело, подумал Мокриц. Ну, по крайней мере, дело.

Похоже, господин Паркер так или иначе умудрился обзавестись потомством. И все же было... странно думать обо всех письмах, скопившихся в этом старом здании. Они представлялись ему упакованной в конверты историей. Доставь конверт адресату – и история свернет в одно русло. Но урони его в щель между половицами – и она свернет в другое.

Хм. Он покачал головой. Можно подумать, один крошечный поступок одного маленького человека мог бы всерьез что-то изменить! История должна быть крепким орешком. Все возвращается на круги своя, разве не так? Он точно что-то такое где-то читал. В противном случае никто *был жизни* ничего не осмелился сделать.

Мокриц постоял на небольшой площади, где сходились восемь дорог, и решил отправиться домой через Рыночную улицу. Она была не хуже и не лучше других.

Удостоверившись, что Стэнли и голем расчищают почтовые завалы, господин Грош крался по лабиринту коридоров. Стопы писем громоздились до самого потолка, да так плотно, что ему едва удавалось протиснуться между ними, но наконец он добрался до шахты давно заброшенного гидравлического подъемника. Шахта была забита письмами. А вот аварийная лестница при шахте была пуста и вела на крышу. Имелась еще пожарная лестница снаружи, но *то снару- жи*, а Грош и в лучшие-то времена недолюбливал выходить за порог Почтамта. Он жил здесь, как крошечная улитка в гигантской раковине. Он привык к темноте.

И вот, медленно и со скрипом, он на трясущихся ногах преодолел этажи писем и открыл люк в потолке.

Он заморгал, содрогнулся от непривычного солнечного света и выкарабкался на плоскую крышу.

Никогда Грош не был в восторге от этого дела, но что ему

еще оставалось? Стэнли ел, как птенец, да и сам Грош перебывался чаем да сухарями, но все это стоило денег, даже если ходить на рынок прямо перед закрытием, а в какой-то момент, уже не один десяток лет назад, жалование попросту перестало приходить. Грош слишком боялся пойти во дворец и разузнать причину. Боялся, что, если попросит денег, его уволят. Так что он придумал сдавать в аренду старую голубятню. А почему бы и нет? Почтовые голуби давно уже стали вольными птицами, а приличная крыша над головой в Анк-Морпорке – это вам не кот начхал. Даже если там немного и пованивало. Зато пожарная лестница и все такое. Целый дворец по сравнению со многими съемными комнатами.

К тому же ребята его заверили, что ничего не имеют против запаха. Они разводили голубей. Грош понятия не имел, что это значит, но, видимо, без установки небольшой клик-башенки им было не обойтись. Платили они исправно, и это было самое главное.

Грош обогнул ливневый колодец от неработающего подъемника и стал пробираться по крыше к голубятне. Он вежливо постучался.

– Это я, ребятки. Пришел за оплатой, – сказал он.

Дверь открылась, и до него донесся обрывок разговора:

– ...сцепления так не продержатся и тридцати секунд...

– А, господин Грош, проходи, – пригласил человек, открывший ему дверь. Это был господин Карлтон, чьей бороде позавидовал бы и гном – да что там, целых два гнома. Он

казался сообразительнее обоих своих соседей, что само по себе было нетрудно.

Грош снял фуражку.

– Я за оплатой, господин, – повторил он, заглядывая в голубятню поверх его плеча. – А еще у нас новости. У нас, чтоб вы знали, новый почтмейстер. Так что постарайтесь вести себя потише некоторое время. Предупрежден – значит вооружен, так?

– И на сколько же его хватит? – спросил сидящий на полу человек, который копался в большом металлическом барабане, напичканном чем-то, что Грош принял за сложный часовой механизм. – К субботе ты уж спихнешь его с крыши, верно?

– Знаешь, господин Винтон, нечего надо мной так смеяться, – нервно ответил Грош. – Пусть проведет здесь несколько недель, пообживется, тогда я ему и... намекну про вас, ладно? Как дела у голубей? – Он увидел в каморке только одну птицу, спрятавшуюся в угол под потолком.

– Вышли полетать, – сказал Винтон.

– Ну и ладно, тогда у меня все, – сказал Грош.

– Мы сейчас все больше по дятлам, – сказал Винтон, извлекая из барабана изогнутую металлическую ленту. – Видишь, Алекс, говорил же я, что его погнуло. И эти две шестеренки ничего не держит...

– По дятлам? – переспросил Грош.

В комнате даже стало холоднее, как будто он сказал что-

то лишнее.

– Верно, по дятлам, – раздался третий голос.

– По дятлам, господин Эмери?

Третий птицевод всегда действовал Грошу на нервы из-за его бегающих глазок, точно он хотел всегда видеть все и сразу. И в руках у него вечно была какая-нибудь дымящаяся трубка или какой другой прибор. Они вообще все были очень увлечены трубками и шестеренками. И вот ведь какая штука: Грош ни разу не видел, чтобы они держали в руках голубей. Грош, может, и не знал, как заводят голубей, но предполагал, что это должно быть на близком расстоянии.

– Да, дятлы, – сказал тот, а трубка в его руке сменила цвет с красного на синий. – Потому что... – тут он умолк и вроде призадумался, – мы изучаем, можно ли их научить... а, во, отстукивать сообщения, когда они прилетают. Куда до них голубям.

– Почему? – спросил Грош.

Господин Эмери с минуту посмотрел вокруг.

– Потому что дятлы смогут... передавать сообщения в темноте? – закончил он.

– Молодец, – пробормотал человек, разбиравший барабан.

– О, понимаю, понимаю, незаменимая была бы вещь, – сказал Грош. – И все равно не верю, чтобы они смогли одолеть клик-башни.

– Вот это мы и хотим узнать, – сказал Винтон.

– И мы будем очень признательны, если ты никому не будешь об этом рассказывать, – быстро добавил Карлтон. – Вот твои три доллара. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь своровал нашу идею, понимаешь?

– Мой рот на замке, ребятаки, – пообещал Грош. – Даже не беспокойтесь, на старика Гроша можно положиться.

Карлтон придержал дверь.

– Мы знаем. До свиданья, господин Грош.

Дверь за Грошем захлопнулась, и он засеменил по крыше обратно к лестнице. Ему показалось, что в голубятне назревала ссора.

– Вот надо было тебе взять и все рассказать, – услышал он.

Стало немного обидно, что они ему не доверяли. Спускаясь по высокой лестнице, Грош подумал про себя, не лучше ли было объяснить им, что дятлы не будут летать по темноте. Удивительно, что такие умные ребятаки и такую простую вещь проглядели. Какие они все же наивные, подумал он.

В четверти мили оттуда – и сотней футов ниже – подобно летящему при свете дня дятлу шел навстречу своей судьбе Мокриц.

В данный момент судьба вела его улицами, которые вы бы предпочли избегать при покупке недвижимости. Повсюду здесь были граффити и мусор. Граффити и мусор, справедливости ради, были повсюду в городе, но в других местах мусор был лучшего качества, а граффити – чуть ближе

к правильной грамматике. Весь район как будто находился на пороге грандиозного события – пожара, например.

Тут-то он и увидел ее. Это была одна из тех жалких лавочек, которые не протягивают на новом месте и нескольких дней, потому что у них «Скидки на весь товар!» и «Распродажа!» носков с двумя пятками, колготок с тремя ногами и рубашек с одним рукавом длиной в четыре фута. Окно было заколочено досками, но из-под граффити на них еще выглядывала надпись: «ТРЕСТ ГОЛЕМОВ».

Мокриц открыл входную дверь. Битое стекло хрустнуло у него под ногами.

– Держи руки на виду, господин, – раздался голос.

С опаской подняв руки вверх, он стал вглядываться во тьму. В руках у сокрытой мраком фигуры определенно был арбалет. Редкий свет, которому удалось протиснуться сквозь доски, отражался от наконечника стрелы.

– Хм, – сказал голос из темноты, несколько раздраженный тем, что нет повода в кого-нибудь выстрелить. – Тогда ладно. А то вчера приходили тут...

– Окно разбили? – спросил Мокриц.

– Это случается примерно раз в месяц. Я как раз подметала. – Послышалось, как чиркнула спичка, а затем загорелась лампа. – На самих големов они уже не нападают с тех пор, как те стали свободно передвигаться. Но стекло-то сдачи не даст.

Лампа осветила фигуру высокой молодой женщины в уз-

ком шерстяном платье. У нее были черные как смоль волосы, прилизанные и туго стянутые в пучок на затылке, из-за чего она напоминала веревочную куклу. Судя по легкой красноте вокруг глаз, она плакала.

– Ты вовремя успел, – сказала она. – Я зашла только проверить, все ли на месте. Ты продаешь или нанимаешь? Руки уже можно опустить, – добавила она, убирая арбалет под стол.

– Продаю или нанимаю? – переспросил Мокриц, осторожно опуская руки.

– Големов, – пояснила она тоном, каким разговаривают с умственно отсталыми. – У нас здесь трест го-ле-мов. Мы покупаем и сдаем внаем го-ле-мов. Ты хочешь продать го-ле-ма или нанять?

– Ни то ни дру-го-е, – ответил Мокриц. – У меня уже есть го-лем. То есть он на меня ра-бо-та-ет.

– В самом деле? Где же? – поинтересовалась женщина. – И давай немного побыстрее.

– На Почтамте.

– О, Помпа 19, – сказала она. – Он говорил, что поступил на государственную службу.

– Мы зовем его *господин* Помпа, – парировал Мокриц.

– Да что ты говоришь? А на душе у тебя в это время становится тепло и приятно от собственного великодушия?

– Не понял? – переспросил сбитый с толку Мокриц. Ему показалось, она умудрилась посмеяться над ним, продолжая

при этом хмуриться.

Она вздохнула.

– Извини, я сегодня немного взвинчена. Когда тебе на стол падает кирпич, это сказывается на настроении. В общем, големы видят мир совсем не так, как видим его мы, это понятно? Они по-своему умеют чувствовать, но их чувства отличаются от наших. Короче... чем я могу помочь, господин..?

– Фон Липвиг, – сказал Мокриц и тут же добавил: – *Мокриц* фон Липвиг, – чтобы разделиться с этим окончательно. Но дама даже не улыбнулась.

– Липвиг, небольшой городок в Ближнем Убервальде, – проговорила она, подобрала кирпич с груды осколков и щепок на столе, повернулась к ветхому картотечному шкафу и поместила кирпич в ячейку «К». – Главная статья экспорта – знаменитые собаки, на втором месте – пиво, не считая двух недель в течение Сектоберфеста, когда на экспорт поступает... пиво из вторсырья, я бы сказала. Правильно?

– Понятия не имею, – ответил Мокриц. – Я был маленьким, когда мы уехали оттуда. Для меня это просто смешное имя.

– Посмотрела б я на тебя, если б тебя звали Дора Гая Ласска.

– А вот это не смешно.

– Именно, – согласилась Дора Гая Ласска. – В результате я начисто лишена чувства юмора. Ну а теперь, когда мы об-

менялись всеми любезностями, что же тебе все-таки нужно?

– Дело в том, что Витинари взвалил на меня господина... кхм, Помпу 19 в качестве... ассистента, но я не знаю, как обращаться с... – Мокриц заглянул девушке в глаза в поисках политкорректного термина, и ограничился: – ним.

– То есть? Нормально с ним обращаться.

– Нормально по человеческим меркам или по меркам глиняного существа с огнем внутри?

К изумлению Мокрица, девушка выудила из ящика стола пачку сигарет и закурила. Неправильно расценив его реакцию, она протянула ему пачку.

– Нет, спасибо, – отмахнулся он.

Если не считать пары старушек с трубками в зубах, он никогда не видел, чтобы женщина курила. Это было... на удивление привлекательно, особенно с учетом того, что курила она так, будто у нее с сигаретой были свои счеты: втягивая дым в легкие и выдыхая его почти мгновенно.

– И тебя это напрягает? – спросила она. Когда госпожа Ласска не затягивалась, она держала сигарету на уровне плеча, правой рукой обхватив локоть левой. По виду Доры Гаи Ласски создавалось впечатление, что вся она кипит негодованием, которое еле-еле прикрыто крышкой.

– Конечно! То есть... – начал Мокриц.

– Пф! Та же история, что и с движением за равенство по росту, когда нам скармливали этот нравоучительный бред о гномах и о том, что нельзя использовать такие выражения,

как «невысокого мнения» и «низкие показатели». У големов нет наших заморочек о том, кто я да почему я здесь, понимаешь? Потому что они это *знают*. Они были созданы инструментами, чтобы быть собственностью, чтобы работать. И они работают. Это их *суть*, если можно так сказать. И никаких экзистенциальных метаний.

Нервным движением госпожа Ласска затянулась и выпустила дым.

– А потом эти придурки берут и называют их «индивидуумами из глины», «господином Ключом» и так далее, что непонятно самим големам. Они понимают *идею* свободной воли. Еще они понимают, что у них ее нет. Хотя, конечно, когда голем принадлежит сам себе, это совсем другая история.

– Сам себе? – переспросил Мокриц. – Как может собственность принадлежать сама себе? Ты же говорила...

– Они копят деньги и *выкупают* себя, а как же еще! Индивидуальная собственность – это единственный путь к свободе, который они могут принять. Мы так и работаем: свободные големы поддерживают траст, траст покупает големов при любом удобном случае, и новые големы выкупают себя у траста. Дела идут успешно. Вольные големы круглосуточно зарабатывают деньги, и их число все растет и растет. Они не едят, не спят, не требуют одежды и не понимают идею праздности. А пачка гончарной глины стоит недорого. Каждый месяц они покупают все больше големов, платят жало-

вание мне и заоблачную арендную плату, которую дерет с нас хозяин этой помойки, потому что знает, что сдает големам. Они же никогда ни на что не жалуются. Такие *терпеливые*, что скулы сводит.

Пачка гончарной глины, подумал Мокриц. Он хотел было запомнить эти слова на всякий пожарный, но его мысли оказались заняты всепоглощающим осознанием того, до чего хорошо выглядят некоторые женщины в самых безыскусных платьях.

– Но их же никак нельзя повредить? – выдавил он.

– Еще как можно! Удар кувалдой в правильное место может сделать голему очень плохо. Големы, принадлежащие не себе, так и будут стоять и сносить удары. Тростовым големам разрешено обороняться, а когда существо в тонну весом вырывает кувалду у тебя из рук, отпустить ее придется *очень* быстро.

– Кажется, господину Помпе разрешено бить людей, – сказал Мокриц.

– Очень может быть. Многие вольные против этого, но другие считают, что инструмент нельзя винить за то, к чему его применяют, – сказала госпожа Ласска. – У них часто бывают дебаты по этому поводу. Нескончаемые дебаты.

Кольца на пальце нет, заметил Мокриц. С чего бы привлекательной девушке работать на стадо глиняных людей?

– Все это *ужасно* интересно, – сказал Мокриц. – Где можно узнать об этом подробнее?

– У нас есть буклет, – сообщила почти наверняка незамужняя госпожа Ласска, открыв ящик, и швырнула на стол листовку. – Пять пенсов.

На титульном листочке стоял заголовок: «Глина обыкновенная».

Мокриц вытащил доллар.

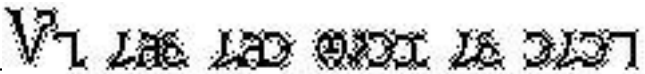
– Сдачи не надо, – сказал он.

– Нет! – ответила госпожа Ласска, роясь в ящике стола в поисках монет. – Ты что, не читал надпись на входе?

– Читал. Там написано «Грами уродафф», – сказал Мокриц.

Госпожа Ласска устало приложила ладонь ко лбу.

– Ах да. Маляр еще не приходил. Но под этим... вот, посмотри на обороте буклета...

– , – прочитал Мокриц... по крайней мере, пробежал взглядом.

– Это их собственный язык. Он в некотором роде... сакральный. На нем якобы разговаривают ангелы. В переводе звучит как: «Своими Силами – И Никак Иначе». Они очень ценят независимость. Ты даже не представляешь.

«О-go-go, – подумал Мокриц. – Да она ими восхищается. И что это там про ангелов?»

– Спасибо за все, – сказал Мокриц. – Мне, пожалуй, пора. Я обязательно... в общем, спасибо.

– Чем ты занимаешься на Почтамте, господин фон Лип-

виг? – спросила она, когда Мокриц уже открыл дверь.

– Зови меня Мокриц, – сказал он, и частичка его внутреннего «я» содрогнулась. – Я новый почтмейстер.

– Да ладно? – удивилась госпожа Ласска. – Тогда хорошо, что у тебя есть Помпа 19. Говорят, последних почтмейстеров надолго не хватало.

– Кажется, я что-то такое слышал, – весело ответил Мокриц. – Похоже, туго им здесь приходилось в былые времена. Госпожа Ласска нахмурилась.

– Былые времена? – переспросила она. – Это прошлый-то месяц*былые времена?*

Лорд Витинари стоял у окна. Когда-то из него открывался прекрасный вид на город – то есть вид по-прежнему открывался, только сейчас городские крыши являли собой частокolik-башен, перемигивающихся и переливающихся на солнце. Над Тумпом, старинным городищем за рекой, на высокой башне, откуда на две тысячи миль начинала петлять до самой Орлеи Гранд Магистраль, мерцал семафор.

Приятно было наблюдать за стройным течением жизненных соков торговли, коммерции и дипломатии, когда в твоём подчинении находились первоклассные дешифровщики. Черные и белые днем, светлые и темные ночью, заслонки замирали только в туман и снегопад.

Так, по крайней мере, было еще несколько месяцев назад. Витинари вздохнул и сел обратно за стол.

На столе была открытая папка. В папке – рапорт от командора Городской Стражи Ваймса, в рапорте – много восклицательных знаков. Там же был и более сдержанный рапорт от клерка Альфреда, где лорд Витинари обвел в кружок раздел, озаглавленный «Дымящийся ГНУ».

В дверь мягко постучали, и в кабинет тенью юркнул Стукпостук.

– Пожаловали господа из семафорной компании «Гранд Магистраль», сэр, – сказал он и выложил перед ним несколько листов бумаги, испещренных убористыми замысловатыми черточками. Витинари бросил на стенограмму беглый взгляд.

– Пустая болтовня? – спросил он.

– Да, милорд. *Нарочито* пустая, можно сказать. Но я ручаюсь, что ушко переговорной трубы совершенно незаметно под лепниной, ваше сиятельство. Клерк Брайан искуснейшим образом спрятал его в рожке позолоченного херувима. Очевидно, прием звука там лучше, и рожок можно повернуть и направить на кого...

– Необязательно видеть что-либо, чтобы знать, что оно есть, Стукпостук, – Витинари постучал пальцем по бумаге. – Они не дураки. Точнее, не все они. Документы у тебя?

Лицо Стукпостука на мгновение исказилось болезненной гримасой человека, вынужденного пойти на предательство высоких идеалов делопроизводства.

– В некотором роде, милорд. На самом деле у нас нет ни-

чего вещественного ни по одному из обвинений, вообще ничего. Мы готовы провести вердикторий в Продолговатом кабинете, но, увы, сэр, в нашем распоряжении только слухи. Есть... намеки... тут и там, но нам очень нужно что-то более существенное...

– Возможность еще представится, – сказал Витинари. Быть абсолютным правителем в эти дни стало не так-то просто, как могло показаться. Особенно если в твои планы входило оставаться на этом посту и завтра. Это был вопрос тонкий. Никто не запрещает посылать своих людей вышибать ногами двери и волочь народ в темницы без суда и следствия, но увлекаться подобными вещами – это крайне безвкусно, мешает бизнесу, вызывает зависимость и очень, очень вредно для здоровья. Витинари полагал, что разумному тирану приходится справляться с задачей гораздо более сложной, чем правителю, пришедшему к власти посредством дурацкой системы «выбери сам», вроде демократии. Такой избранный хотя бы мог напомнить подданным, что они в нем сами виноваты.

– ...в обычной ситуации было бы рано заводить отдельные досье на каждого, – не находил себе места Стукпостук. – Видите ли, я лишь сослался на них в порядке...

– Твое беспокойство, как всегда, вызывает восхищение, – заметил лорд Витинари. – Однако я вижу, досье ты все же подготовил.

– Да, милорд. Я добавил им толщины за счет копий от-

четов клерка Гарольда о производстве свинины в Орле, сэр, – с несчастным видом Стукпостук передал патрицию картонную папку. Намеренная халатность в делопроизводстве скребла как железом по стеклу самого его естества.

– Очень хорошо. – Витинари сложил папки на свой стол, извлек из ящика стола еще одну, которую положил сверху остальных, и переложил несколько бумаг, чтобы прикрыть невысокую стопку. – Теперь можешь приглашать наших гостей.

– С ними господин Кривс, милорд, – сообщил секретарь. Витинари улыбнулся улыбкой, в которой не было и тени веселья.

– Какая неожиданность.

– И господин Хват Позолот, – добавил Стукпостук, внимательно наблюдая за патрицием.

– Ну разумеется.

Когда через несколько минут финансисты стояли в кабинете Витинари, стол для переговоров был девственно пуст, если не считать блокнота и стопки папок. Сам же патриций снова стоял у окна.

– А, господа. Как любезно с вашей стороны заглянуть на пару слов, – сказал он. – Я как раз наслаждался видом.

Он резко обернулся и увидел перед собой ряд удивленных лиц, за исключением двух. Одно, серое, принадлежало господину Кривсу – самому известному, высокооплачиваемому и уж точно самому старому законнику в городе. Уже много

лет он был зомби, хотя разницы между его прижизненным и посмертным поведением замечено не было. Другое принадлежало человеку с одним глазом (другой закрывала повязка), и оно хищно улыбалось.

– Мне доставляет несказанное удовольствие видеть Гранд Магистраль снова в деле, – заявил Витинари, не обращая внимания на это лицо. – Вчера линия, кажется, простаивала весь день. Я как раз думал: Гранд Магистраль играет такую важную роль в нашей жизни, и какая жалость, что она у нас только одна. Увы, я в курсе, что вкладчики Новой Магистралли все разбежались, что, бесспорно, делает Гранд Магистраль полноправным хозяином в этой сфере, без всякой конкуренции. Впрочем, что же это я? Присаживайтесь, господа, *присаживайтесь*.

Он дружелюбно улыбнулся господину Кривсу, когда тот уселся.

– Не думаю, что знаком *совсем* здесь присутствующими, – сказал он.

Господин Кривс вздохнул.

– Милорд, позвольте представить: господин Сдушкомс, представитель партнерства Анк-Сто, казначей компании «Гранд Магистраль»; господин Мускат из холдинга равнины Сто; господин Слыпень из анк-морпоркского Коммерческого кредитного банка; господин Стоули из «Анк-Фьючерсов», финансовый советник; и господин Позолот...

– ...сам по себе, – спокойно произнес одноглазый человек.

– А, господин Хват Позолот, – сказал Витинари, глядя на него в упор. – Ужасно... *рад* нашей встрече.

– Вы никогда не приходите на мои приемы, милорд, – сказал Позолот.

– Что поделать. Дела государственные отнимают слишком много времени, – бросил лорд Витинари.

– Всем необходимо развлекаться время от времени, милорд. От работы, как говорится, и конидохнут.

Некоторые из присутствующих задержали дыхание, услышав такие слова, но Витинари и бровью не повел.

– Любопытно, – сказал он.

Он перебрал бумаги на столе и открыл одну папку.

– Итак, мои сотрудники подготовили для меня кое-какие сводки на основе общедоступных данных с Барбикана, – сообщил он законнику. – Полномочия директоров, к примеру. Конечно, загадочный мир финансовых операций для меня, хм, клатчская грамота, но складывается впечатление, что некоторые ваши клиенты работают друг на друга.

– Это так, милорд, – сказал Кривс.

– Это нормально?

– О, для профессионалов такого уровня самое обычное дело состоять в дирекции нескольких компаний, милорд.

– Даже если это конкурирующие компании? – уточнил Витинари.

Многие за столом заулыбались. Финансисты устроились поудобнее в своих креслах. Патриций явно ни шиша не

смыслил в бизнесе. Ну что он мог знать о сложных процентах, в самом деле? Он же получил классическое образование. Тогда они вспомнили, что свое классическое образование он получил в школе при Гильдии Убийц, и перестали улыбаться. А господин Позолот пристально посмотрел на Витинари.

– Есть способы – исключительно благородные способы – обеспечить конфиденциальность и избежать конфликта интересов, милорд, – сказал господин Кривс.

– Ах да, кажется, это называется... как же это... стеклянный потолок? – радостно подхватил Витинари.

– Нет, милорд. Это совсем другое. Полагаю, вы имеете в виду «агатянскую стену», – мягко поправил господин Кривс. – Этот способ бережно и надежно обеспечивает соблюдение полной конфиденциальности в тех случаях, когда, к примеру, в распоряжение члена одной организации поступает закрытая информация, которая теоретически может быть использована другим учреждением в бесчестных целях.

– Поразительно! Как же именно это действует? – спросил Витинари.

– Они договариваются так не делать, – ответил господин Кривс.

– Не понимаю. Вы же говорили, что там какая-то стена... – сказал Витинари.

– Это просто такое название, милорд. Договоренность так не делать.

– А! И все соглашаются? Какая прелесть. Даже если эта

несуществующая стена рассекает мозг им напополам?

– У нас есть Кодекс поведения, знаете ли, – раздался голос.

Все взгляды, за исключением господина Кривса, обратились к говорящему, который беспокойно ерзал в своем кресле. Господин Кривс долгое время занимался патрициеведением, и когда предмет его изучения вел себя как несведущий чиновник и задавал невинные вопросы, было самое время наблюдать за ним во все глаза.

– Рад это слышать, господин... – начал Витинари.

– Криспин Слыпень, милорд, и мне не нравится ваш тон!

На мгновение показалось, будто даже стулья отпрянули от него. Господин Слыпень был моложавым человеком, не столько склонным к полноте, сколько устремленным, скачущим и рвущимся к ожирению. К тридцати годам он успел обзавестись впечатляющей коллекцией подбородков, которые теперь горделиво подрагивали².

– У меня есть и другие тона, – спокойно сообщил лорд Витинари.

Господин Слыпень посмотрел на коллег, которые вдруг

² Внешность, конечно, бывает обманчива. Несмотря на выражение лица – как у поросенка, которого озарила удачная идея, – и манеру поведения – как у мелкой, сопящей, нервной, но безумно дорогой шавки, – господин Слыпень вполне мог оказаться добрым, великодушным и благочестивым человеком. Точно так же, как человек в маске и полосатом комбинезоне, торопливо вылезавший из вашего окна, возможно, просто заблудился по дороге на маскарад, а человек в парике и мантии на входе в зал суда, возможно, обычный трансвестит, который заглянул сюда, прячась от дождя. Скоропалительные выводы бывают так несправедливы.

почему-то оказались за тридевять земель от него.

– Я просто хотел уточнить, что мы ничего не нарушили, – пробормотал он. – И все. Есть же Кодекс поведения.

– Кажется, я и не обвинял никого в нарушениях, – заметил лорд Витинари. – Однако я приму во внимание все, что ты хочешь мне сказать.

Он подтянул к себе лист бумаги и написал на нем аккуратным каллиграфическим почерком: «Кодекс поведения». Из-под бумаги стала видна папка, озаглавленная «Хищение». Слово, конечно же, было перевернуто вверх ногами к собравшимся, и поскольку оно явно не предназначалось для их глаз, они его прочли. Слыпень даже вытянул шею, чтобы рассмотреть получше.

– Тем не менее, – продолжал Витинари, – раз уж господин Слыпень сам поднял вопрос о нарушениях, – он коротко улыбнулся в сторону молодого человека. – Уверен, все вы в курсе пересудов о предполагаемом заговоре среди вас с целью повышения цен и подавления конкуренции. – Предложение прокатилось быстро и гладко, как змеиный язычок, острым кончиком которого прозвучало продолжение: – И разумеется, слухи о кончине юного господина Ласски месяц назад.

Шорох среди рассевшихся полукругом мужчин подтвердил, что карты были выложены на стол. Им не нравились эти карты, но они ожидали их увидеть, и только что они с хрустом были открыты.

– Клевета – подсудное дело, – сказал Кривс.

– Ну что вы, мистер Кривс, простое упоминание о существующем слухе не подсудно – не сомневаюсь, ты об этом знаешь.

– Нет никаких доказательств нашей причастности к убийству мальчишки! – сорвался Слыпень.

– Вот видишь, и до тебя дошли разговоры о том, что его убили, – сказал Витинари, не сводя глаз с Хвата Позолота. – Такие слухи *разлетаются* в момент...

– Милорд, люди любят посудачить, – устало вздохнул Кривс. – Но факты таковы, что господин Ласска на башне был один. Никто не поднимался и никто не спускался. Его страховочный трос, видимо, не был пристегнут. Это был несчастный случай, они отнюдь не редкость. Да, мы знаем, говорят, у него были переломаны пальцы, но так ли это удивительно – удариться о башню, когда летишь с такой высоты? Увы, «Гранд Магистраль» переживает сейчас не лучшие времена, вот и появляются эти оскорбительные и безосновательные обвинения. Как справедливо заметил господин Слыпень, нет никаких доказательств, что произошедшее было чем-то иным, нежели трагической случайностью. И если мне позволено говорить откровенно, с какой *именно* целью нас здесь собрали? Мои клиенты – занятые люди.

Витинари откинулся назад и сложил ладони домиком.

– Вообразим себе ситуацию, в которой группа энергичных и в высшей степени изобретательных людей разработала си-

стему коммуникаций, — начал он. — У них есть пылкий ум и оригинальность мышления. Нет только денег. Они *непри-
вычны* к деньгам. И вот они знакомятся с... людьми, которые знакомят их с другими, очень доброжелательными персонами, а те за какие-то, хм, сорок процентов от предприятия *предоставят* им столь необходимые средства, дадут важные, самые что ни на есть отеческие советы и сведут с ну *очень* хорошей бухгалтерской конторой. И вот они берутся за дело, деньги текут рекой и утекают рекой, но почему-то оказывается, что они вовсе не так финансово благополучны, как им казалось, и им даже нужны *еще* деньги. Ну, ничего страшного, ведь ясно как день, что рано или поздно предприятие должно стать золотой жилой, так какая разница, что они отпишут еще пятнадцать процентов? Это ведь всего лишь деньги. Это же не так *важно*, как семафорные механизмы, верно? Но вскоре они узнают, что да, *еще* как важно. Это *самое* важное. Внезапно мир переворачивается вверх тормашками, внезапно эти доброжелательные люди оказываются не такими уж доброжелательными, внезапно выясняется, что второпях подписанные бумажки, по совету тех самых людей, которые все время им улыбались, означают, что на самом деле им ничего не принадлежит — ни патенты, ни собственность, ничего. Даже содержимое мозгов. Даже мысли, которые приходят им в головы, оказывается, им не принадлежат. И почему-то у них *до сих пор* проблемы с деньгами. Тогда кто-то бежит, кто-то скрывается, а кто-то пытается бороться, что в

высшей степени безрассудно, поскольку выясняется, что все это, ровным счетом все, совершенно легально. Кто-то соглашается на низкооплачиваемые посты на предприятии, потому что надо же на что-то жить, да и проект буквально снится им по ночам. Но как ни крути, ничего противозаконного не произошло. Бизнес есть бизнес.

Лорд Витинари открыл глаза. Люди за столом не сводили с него глаз.

– Просто мысли вслух, – сказал он. – Вы можете сказать, что это дело не государственного значения. Господин Позолот-то уж точно может. Однако, поскольку вы приобрели «Гранд Магистраль» за крохи от ее реальной стоимости, замечу, что возросло число поломок и скорость передачи сообщений упала, а услуги продолжают дорожать. На прошлой неделе Магистраль была закрыта почти трое суток. Нельзя было связаться даже со Сто Латом! Трудно назвать это «скоростью света», господа.

– Требовалось провести техническое обслуживание, – сказал господин Кривс.

– Нет, требовалось починить неисправности, – возразил Витинари. – Под предыдущим руководством сеть закрывалась на час ежедневно. *Так* проводится техническое обслуживание. Теперь же башни работают на износ. Что вы творите, господа?

– Это, ваше сиятельство, при всем уважении, совершенно не ваше дело.

Лорд Витинари улыбнулся. Впервые за все утро он улыбался с искренним удовольствием.

– А, господин Хват Позолот. Я ждал, когда ты подашь голос. Ты сегодня на удивление немногословен. С превеликим интересом прочел недавно статью о тебе в «Правде». Ты, оказывается, борец за права и свободы. Трижды ты использовал слово «тирания» и еще один раз – «тиран».

– Не читайте мне нотаций, милорд, – сказал Позолот. – Мы – хозяева Магистрали. Это наша собственность. Понятно? Собственность – основа свободы. Клиенты недовольны обслуживанием и ценами? Это же клиенты, они всегда чем-нибудь недовольны. Вне зависимости от цен у нас нет отбоя от клиентов. До появления клик-башен новости из Орлеи шли сюда не один месяц, а сейчас меньше суток. Это доступное каждому чудо. Мы отвечаем перед нашими акционерами, милорд. А не перед вами, при всем уважении. Это не ваш бизнес. Он наш, и вести его мы будем так, как того требует рынок. Надеюсь, здесь нет места тирании. При всем уважении, мы живем в свободном городе.

– Столько уважения – я польщен, – сказал патриций. – Но единственный *выбор*, который есть у ваших клиентов, – это или вы, или ничего.

– Именно, – спокойно согласился Позолот. – Выбор есть всегда. Они могут оседлать лошадь и проскакать несколько тысяч километров, а могут спокойно подождать, пока мы не передадим их сообщение.

Витинари наградил его улыбкой, мимолетной, как вспышка молнии.

– Или основать свою компанию, – сказал он. – Хотя я замечал, что молодые семафорные компании, которые в последнее время пытались составить вам конкуренцию, стремительно терпели поражение, зачастую при удручающих обстоятельствах. Падения с клик-башен и так далее и тому подобное.

– От несчастных случаев никто не застрахован. Стечение обстоятельств, – процедил господин Кривс.

– Стечение обстоятельств, – эхом отозвался Витинари. Он взял еще лист бумаги, попутно сдвинув документы так, что стали видны еще несколько имен, и записал: «Стечение обстоятельств».

– Полагаю, добавить тут больше нечего, – сказал он. – На самом деле целью нашей встречи было официально известить вас о том, что я снова открываю Почтамт, как и планировалось. Сообщаю это исключительно в знак почтения к вам, ведь вы, в общем-то, занимаетесь тем же самым делом. Надеюсь, давешняя чередá злключений на этом подойдет к...

Хват Позолот хмыкнул.

– Минуточку, милорд, я правильно вас понял? Вы и впрямь намерены продолжать этот балаган? После всего случившегося? Почтамт? Когда все здесь прекрасно понимают, какой это был громоздкий, напыщенный, раздутый, мон-

струозный пшик? Он же едва окупался! Типичный образчик государственного предприятия!

– Согласен, Почтамт никогда не был прибыльным, но в деловой части города почту разносили до семи раз за день, – сказал Витинари ледяным, как морские пучины, тоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.